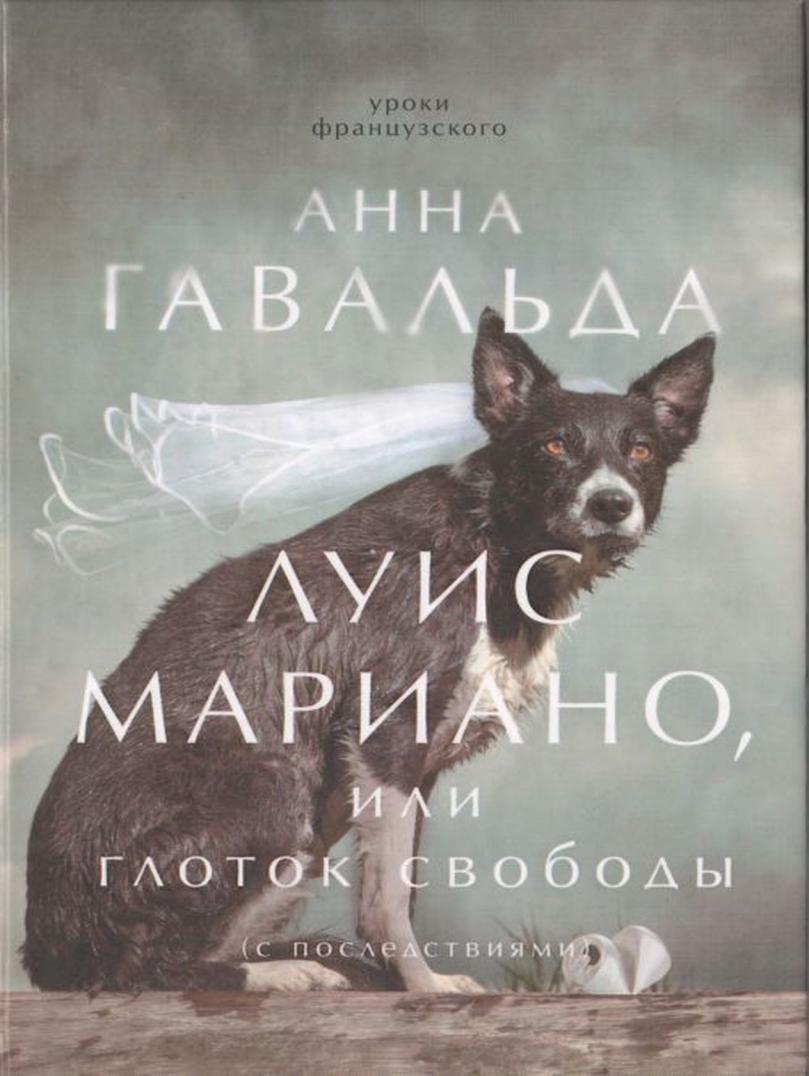
уроки
французского

АННА
ГАВАЛЬДА



ЛУИС МАРИАНО, ИЛИ ГЛОТОК СВОБОДЫ

(С ПОСЛЕДСТВИЯМИ)

Луис Мариано, или Глоток свободы

Анна Гавальда

Аннотация
Анна Гавальда. Луис Мариано, или Глоток свободы. (с последствиями)
#
#
#
#
#
#
ПОСЛЕДСТВИЯ
#
#
#
#
#
#
#
#
#
~~~
~~~

Аннотация

Анна Гавальда — один из самых читаемых авторов мира. Ее называют «звездой французской словестности» и «новой Франсуазой Саган». Ее книги, покорившие миллионы читателей, переведены на десятки языков, отмечены целым созвездием премий, по ним ставят спектакли и снимают фильмы.

В новой редакции романа «Глоток свободы» — новые главы. Еще больше очарования Франции, легкости и иронии. И пьянящее ощущение, что ты можешь изменить свою жизнь — стоит только сделать маленький шаг.

Анна Гавальда
Луис Мариано, или Глоток свободы (с последствиями)

Я еще и в машину-то сесть не успела, только нагнулась и открыла дверцу, как моя дорогая невестка накинулась на меня:

— Ну сколько можно тебя дожидаться!.. Ты что, не слышала, мы уже десять минут тут тебе гудим!

— Здравствуй! — вот так я ей на это ответила.

Мой брат обернулся. И подмигнул — еле заметно.

— Как дела, красотка?

— Нормально.

— Хочешь, я положу твои вещи в багажник?

— Нет, спасибо. Со мной только эта сумочка да еще платье… Я его брошу на заднее сиденье.

— Вот это вот твое платье? — она удивленно вскидывает брови, разглядывая скатанную в комок пеструю тряпку у меня на коленях.

— Ну да.

— И что… что это?..

— Сари.

— Хм… вижу.

— Нет, пока ты ничего не видишь, — учтиво возражаю я, — ты все увидишь, когда я его надену.

Оскорбленно скривилась.

— Ну что, поехали? — вмешивается мой брат.

— Да. То есть нет… Ты можешь остановиться возле арабской лавочки вон там, в конце улицы? Мне нужно купить одну вещь…

Моя невестка тяжело вздыхает.

— Чего тебе еще не хватает?

— Крема для эпиляции.

— И ты его покупаешь у арабов?

— Да, я все покупаю у моего Рашида! Все-все-все!

Она мне явно не верит.

— Ну, ты уже закончила свои дела? Мы можем наконец ехать?

— Да.

— Ты не пристегиваешься?

— Нет.

— И почему же ты не пристегиваешься?

— Клаустрофобия, знаешь ли, — отвечаю я ей.

И, не дожидаясь, когда она заведет свою песню об искалеченных пациентах Гарша[1], добавляю:

— К тому же я собираюсь вздремнуть. Умираю как спать хочу.

Брат улыбается.

— Что, рано встала?

---

[1] Примечания: 1

В больнице Гарша, небольшого городка в окрестностях Парижа, выхаживают людей, пострадавших в серьезных ДТП. Существует расхожая фраза: «Пристегнись, не то кончишь свои дни в Гарше».

— Вообще не ложилась, — объясняю я, зевая во весь рот.

Что, по правде сказать, чистое вранье. Несколько часов я все же покемарила. А говорю так нарочно — чтобы позлить мою невестку. И мне это удается. Знаете что мне нравится в ней больше всего? То, что мне всегда это удается.

— Ну и где ж это ты гуляла? — цедит она, воздев глаза к небу.
— У себя дома.
— Что-то праздновала?
— Да нет, просто играла в карты.
— В карты?!
— Ну да. В покер.

Она раздраженно трясет головой. Но не слишком ретиво. В машине пахнет средством для укладки волос.
— И сколько же ты продула? — весело спрашивает брат.
— Ничего я не продула. Наоборот, выиграла.

Оглушительная пауза.
Наконец моя невестка не выдерживает.
— И можно узнать, сколько именно? — интересуется она, поправляя свои солнцезащитные

очки Persol.

— Три тысячи.

— Три тысячи?! Три тысячи чего?

— Как чего… Евро, конечно! — простодушно сообщаю я. — Не с рублями же мне морочиться…

Сворачиваясь калачиком, я хихикала про себя. Теперь моей дорогой Карине хватит пищи для размышлений на всю оставшуюся дорогу…

Я прямо-таки слышу, как у нее в мозгах включился счетчик:

«Три тысячи евро… тик-тик-тик-тик… Это сколько ж *ей* надо было бы продать сухих шампуней и пачек аспирина, чтобы заработать три тысячи евро?.. Тик-тик-тик-тик… Плюс общие налоги, плюс налог на профессию, плюс местные налоги, плюс аренда помещения, минус налог на добавленную стоимость… Сколько раз *ей* пришлось бы надеть свой белый халат, чтобы заработать три тысячи *чистыми*? Да, еще ведь CSG…[2] Прибавляем восемь и вычитаем два… И оплаченный отпуск… итого десять, да помножим на три… тик-тик-тик-тик…»

---

[2] Примечания: 2

CSG (contribution sociale généralisée) — налог, взимаемый со всех категорий собственности и деятельности на социальные нужды *(фр.).*

Да, я хихикала. Под мерное урчание двигателя их седана, уткнувшись носом в сгиб локтя и подтянув колени к подбородку. Я ужасно гордилась собой, потому что моя невестка — не человек, а ходячая поэма.

Моя невестка Карина имеет диплом аптекаря, но предпочитает, чтобы его называли *медицинским*, иными словами, она аптекарша, но предпочитает, чтобы ее называли *фармацевтом*, иными словами, у нее есть аптека, но она предпочитает, чтобы это называли *лабораторией*.

Она обожает жаловаться на бедность в момент десерта, а еще носит хирургический халат, застегнутый до самого подбородка, с термонаклейкой, на которой красуется ее имя с двумя кадуцеями по бокам. В настоящее время она торгует главным образом кремами для сохранения упругости ягодиц и мазями с каротином, потому что эти товары прибыльнее других, но предпочитает называть это *оптимизацией своего парафармацевтического отдела*.

Моя невестка Карина достаточно предсказуема.

Когда мы с Лолой, моей сестрой, узнали о такой невероятной удаче — о том, что в нашей семье появился собственный специалист по средствам

против морщин, торговый представитель марки Clinique и дистрибьютор Guerlain, — мы бросились ей на шею, готовые лизаться как пара восторженных щенят. О, какой торжественный прием мы оказали ей в тот день! Мы обещали, что отныне будем закупать косметику только у нее, мы даже были готовы величать ее *доктором* или *профессором* Ларьо-Молину, лишь бы она отнеслась к нам как к родным!

Да что там говорить: мы были готовы ездить к ней в аптеку на RER[3]. Тогда как для нас с Лолой поездка на RER до Пуасси — настоящий подвиг.

Мы с ней киснем, стоит нам оказаться за пределами бульваров маршалов, а тут — Пуасси!..

Однако так далеко таскаться нам не пришлось, ибо в конце этого первого семейного обеда наша дорогая невестка приобняла нас за плечи и поведала, опустив глазки долу:

— Только знаете… гм… Я не смогу вам делать никаких скидок… потому что… гм… Если я начну делать их вам, то после… ну, вы понимаете… после я… в общем, этому конца не будет, верно?

— Что, даже какой-нибудь пустяк нам не усту-

[3] Примечания: 3

RER (Réseau Express Régional) — скоростное метро, связывающее Париж с предместьями *(фр.)*.

пишь? — со смехом спросила Лола. — И даже на пробники не надеяться?

— Нет, пробники — это пожалуйста! — ответила та, облегченно вздохнув. — Пробники это без проблем.

И когда она отбыла, крепко вцепившись в руку нашего брата — наверное, чтобы он не улетучился, — Лола пробурчала, одновременно посылая им с балкона воздушные поцелуи:

— Ах, скажите, пробники без проблем, да пусть она их засунет себе в одно место, эти пробники!

Я была полностью с ней солидарна, и, стряхивая крошки со скатерти, мы сменили тему.

С тех пор мы любим ее разыгрывать по этому поводу. При каждой встрече я рассказываю ей о своей подружке Сандрине, которая работает стюардессой и пользуется фантастическими скидками в магазинах *duty free.*

Например:

— Послушай, Карина… Сколько, по-твоему, может стоить крем Exfoliant Double Générateur d'Azote с витамином B_{12} от Estée Lauder?

Этот вопрос повергает нашу Карину в долгие раздумья. Она сосредоточенно закрывает глаза, мысленно листает прейскурант своих товаров, определяет ценовой разброс, вычитает налог и

наконец выдает:

— Сорок пять?

Я обращаюсь к Лоле:

— Ты не помнишь, сколько он стоил?

— Что?.. Извини, я не слушала. О чем вы говорили?

— О твоем Exfoliant Double Générateur d'Azote с витамином B_{12} от Estée Lauder — помнишь, Сандрина тебе привезла?

— Ну и что?

— Сколько ты за него заплатила?

— Ой, я уж и забыла… Нашла что спросить… Кажется, около двадцати евро…

Карина захлебывается от возмущения:

— Двадцать евро?! За EDGA с витамином B_{12} от Estée Lauder?! Ты точно помнишь?

— По-моему, да…

— А я говорю: нет! За такие деньги можно получить только контрафакт! Извини, дорогая, но тебя просто надули! Напихали какую-нибудь «Нивею» в контрабандный флакон и впаривают таким вот простушкам… Не хочется вас огорчать, девочки, — продолжает она с торжествующим видом, — но этот ваш EDGA — обыкновенная подделка! В чистом виде подделка!

Лола переспрашивает с убитым видом:

— Ты уверена?

— Абсолюу-у-утно уверена! Я же все-таки в курсе официальных цен! И точно знаю, что Estée Lauder использует эфирные масла наивысшего кач…

И вот именно в этот момент я оборачиваюсь к сестре и спрашиваю:

— А он случайно не при тебе?

— Кто «он»?

— Ну этот самый крем.

— Нет… кажется, нет… Хотя постой-ка… Может, и при мне… Погодите, я посмотрю в сумке.

Она возвращается с флаконом и протягивает его нашей экспертше.

Та вздевает на нос свои полукруглые очочки и начинает обследовать предмет со всех сторон. Мы сидим молча, впившись в нее глазами и с тоскливым страхом ожидая вердикта.

— Ну как, доктор? — отваживается наконец Лола.

— М-да… Действительно Lauder… Я узнаю этот запах… И потом, текстура… У фирмы Lauder текстура особенная, ни с чем не спутаешь. Просто невероятно… Сколько, говоришь, ты заплатила? Двадцать евро? Просто невероятно! — вздыхает Карина, укладывая свои очочки в футляр, а

футляр — в косметичку Biotherm, а косметичку Biotherm — в сумку Tod's. — Просто невероятно!.. Скорее всего, это отпускная цена. Ну как прикажете торговать, если они устраивают такой демпинг?! Это же нечестная конкуренция, ни больше ни меньше. Это… это значит, они не оставляют вообще никакой маржи, они… Нет, это вообще бог знает что такое! Просто плакать хочется…

И Карина, погрузившись в глубокую скорбь, долго приходит в себя, мешая и перемешивая свой обессахаренный сахар в чашке декофеинизированного кофе.

Самое трудное для нас в эту минуту — сохранять невозмутимые лица до тех пор, пока мы не уйдем на кухню, где можно дать волю веселью. Вот уж там мы начинаем кудахтать, точно две курицы-несушки. Если мама застает нас в таком состоянии, она всегда огорчается: «Господи, до чего же вы обе вредные!..» И Лола возмущенно отвечает: «Ну уж извините!.. Все-таки эта гадость обошлась мне в семьдесят две монеты!» — и мы снова прыскаем со смеху, стоя над посудомойкой и держась за бока.

— Ладно… Если ты столько выиграла за одну

ночь, то могла бы хоть разок поучаствовать в расходах на бензин…

— И на бензин, и на оплату дорожных сборов, — добавляю я, потирая нос.

Отсюда, с заднего сиденья, не видно ее лица, но я прекрасно представляю себе ее довольную усмешечку и ручки, аккуратно сложенные на аккуратно составленных коленях.

Извернувшись, я пытаюсь достать из кармана джинсов крупную купюру.

— Оставь это, — говорит мой брат.

Карина верещит:

— Но почему?.. Симон, я не понимаю, почему…

— Я сказал, оставь это, — повторяет брат, не повышая тона.

Она открывает рот, закрывает его, ерзает на сиденье, снова открывает рот, отряхивает ногу, стягивает с пальца колечко с сапфиром, снова решительно надевает его, осматривает ногти, пытается что-то сказать, но, осекшись на полуслове, замолкает окончательно.

Атмосфера накалена. Если уж Карина заткнулась, это означает одно: они в ссоре. Если она заткнулась, это означает, что мой брат повысил на нее голос.

А такое случается крайне редко…

Мой брат никогда не выходит из себя, никогда и ни о ком слова дурного не скажет и не осудит ближнего своего. Мой брат — существо с другой планеты. Может быть, с Венеры…

Мы его обожаем. И часто спрашиваем: «Ну как тебе удается быть таким невозмутимым?» Он пожимает плечами: «Сам не знаю». Тогда мы спрашиваем: «Неужели тебе никогда не хотелось дать себе волю, сказать какую-нибудь гадость, пускай хоть самую мелкую?»

«Ну для этого у меня есть вы, мои красавицы!» — отвечает он с ангельской улыбкой.

Да, мы его просто обожаем. Как, впрочем, и все остальные. Наши няни, его учительницы и преподаватели, коллеги и соседи… Абсолютно все.

В детстве мы валялись на паласе в его комнате, слушали его диски, чмокали его в щечку, когда он делал за нас домашние задания, и развлекались тем, что строили планы на будущее. Мы еще тогда ему предсказывали:

— Ты такой добрый и уступчивый, что обязательно угодишь в лапы к какой-нибудь зануде.

И попали в самую точку.

Догадываюсь, из-за чего они разругались. Ско-

рее всего, из-за меня. Могу воспроизвести их разговор слово в слово.

Вчера днем я позвонила брату и спросила, сможет ли он взять меня с собой. «Ну о чем ты спрашиваешь!» — ответил он с ласковым упреком. После чего его дражайшая половина наверняка закатила истерику: еще бы, ведь тогда им придется сделать огромный крюк. Мой брат, должно быть, просто пожал плечами, а она поддала жару: «Подумай, дорогой… нам ведь ехать в Лимузен… а площадь Клиши, насколько я знаю, совсем в другой стороне…»[4]

И он, такой добрый и уступчивый, вынужден был резко ее осадить, чтобы показать, кто в доме хозяин, и они легли спать, так и не помирившись, и она провела ночь в позиции «спина к спине».

Проснулась она в паршивом настроении и, сидя над чашкой своего биоцикория, снова завела ту же песню: «Все-таки твоя бездельница сестра могла бы встать пораньше и доехать до нас сама… Как посмотришь, на работе она не больно-то убивается — что, неправда?»

Он даже не ответил. Сидел и молча изучал до-

---

[4] Примечания: 4

Лимузен, некогда историческая область, а сегодня район Франции, лежит к югу от Парижа, тогда как площадь Клиши расположена в северной части города.

рожную карту.

Надувшись, она пошла в свою ванную Kaufman & Broad (отлично помню наш первый визит в их дом: Карина в легком муслиновом шарфике нежно-сиреневого цвета, намотанном на шею, порхала между своими цветочными горшками и с придыханием описывала нам свой «Малый Трианон»: «Здесь у нас кухня — очень функциональная. Здесь столовая — очень уютная. Здесь гостиная — модулируемая. Здесь комната Лео — игровая. Здесь прачечная с сушкой — необходимая. Здесь ванная — двойная. Здесь наша спальня — с современным освещением. Здесь…» Такое впечатление, будто она хотела все это нам продать. Симон подвез нас до вокзала, и на прощание мы сказали, решив его утешить: «Красивый у тебя дом!» «Да, очень функциональный», — ответил он, горестно кивнув. Ни Лола, ни Венсан, ни я даже рта не раскрыли на обратном пути. Сидели и грустно молчали каждый в своем углу купе, думая, вероятно, об к одном и том же. О том, что у нас отняли старшего брата и что отныне жизнь без него станет куда печальнее…), а затем, во время поездки от своей «резиденции» до моего бульвара, демонстративно раз десять смотрела на часы, стонала на каждом перекрестке, увидев

красный свет, и когда наконец посигналила мне — могу поспорить, что сигналила именно она, — я просто не услышала гудков.

Ох беда, вот беда так беда…

Милый мой Симон, прости, я так огорчена, что тебе досталось из-за меня…

В следующий раз я уж постараюсь быть более пунктуальной, обещаю тебе.

Я начну хорошо себя вести. Буду рано ложиться спать. Брошу пить. Перестану играть в карты.

В следующий раз я соберусь и начну новую жизнь. Я наконец устроюсь… Не веришь? Честное слово! Найду себе кого-нибудь. Какого-нибудь приличного парня. Белого. Единственного сына у родителей. С водительскими правами и «Тойотой», которая ездит на «экологическом» топливе типа рапсового масла.

Я подцеплю себе такого, который работает на почте, потому что его папа тоже работает на почте и потому что он вкалывает двадцать девять часов в неделю и никогда не берет больничный. Такого, который не курит. Это я специально оговорила в своей карточке Meetic[5]. Не веришь?

---

[5] Примечания: 5
Сайт знакомств в Интернете.

Погоди, скоро сам убедишься. Ну чего ты зубы скалишь, идиот?

И тогда уж я перестану тебе надоедать по утрам в субботу просьбами отвезти меня за город. Я скажу своему почтовому «пусику»: «Пусик, ау! Ты ведь отвезешь меня на свадьбу моей кузины на твоей „Тойоте“ с твоим замечательным джи-пи-эсом, который работает даже на Корсике, даже в заморских департаментах Франции?» — оп-ля! — не успею я и мигнуть, как окажусь в нужном месте.

Ну вот, опять! Что за дурацкий смех?! Думаешь, у меня ума не хватит жить как все? Думаешь, я не смогу захомутать какого-нибудь симпомпончика в желтом жилете с наклейкой Nigloland? Думаешь, не заведу себе жениха, которому в обеденный перерыв буду покупать трусы в Celio? Да-да… При одной только мысли обо всем об этом я уже трепещу… Эдакий славный малый. Крепкий. Простой. Надежный. Батарейки и сберкнижка прилагаются.

Который никогда ничего не будет брать в голову. Которого в раздумья сможет повергнуть разве что сравнение магазинных цен с каталожными. Который скажет: «Как ни крути, дорогая, разница между Castorama и Leroy Merlin всего только в

сервисе…»

И мы с ним всегда будем проходить в квартиру через подземный гараж, чтобы не пачкать пол в вестибюле. И мы будем оставлять обувь под лестницей, чтобы не пачкать лестницу. И мы будем дружить с соседями, ведь они такие симпатичные люди. И мы будем устраивать барбекю на нашем собственном стационарном гриле, а стационарный гриль — большая удача, особенно для детей, потому что так оно значительно безопаснее, как говорит моя дорогая невестка, и еще потому…

О счастье!

Это было бы слишком ужасно. Так ужасно, что я предпочла заснуть.

#

Я очнулась только на заправке при въезде в Орлеан. Ничего не соображая спросонья. Совершенно вымотанная и обалдевшая. Мне никак не удавалось открыть глаза, а волосы так тяжело давили на голову, что я их даже пощупала: точно ли это моя шевелюра?

Симон стоял в очереди у кассы. Карина пудрилась наново.

Я побрела к кофейному автомату.

Прошло как минимум секунд тридцать, прежде чем я уразумела, что картонный стаканчик уже полон. Я выпила кофе без сахара и без удовольствия. Похоже, я нажала не на ту кнопку: мой капучино слегка отдавал томатным соком. Или нет?

Уф-ф-ф! Кажется, денек нам предстоит долгий.

Мы вернулись в машину, не сказав ни слова. Карина выудила из своего несессера влажную очищающую салфеточку с антибактериальной пропиткой, чтобы продезинфицировать руки.

Карина всегда дезинфицирует руки, покидая

места общественного пользования.

Ибо гигиена есть гигиена.

Ибо наша Карина буквально *видит* микробов.

Она видит их коротенькие мохнатые лапки и их ужасные зубастые челюсти.

Именно по этой причине она никогда не ездит на метро. И очень не любит ездить в поездах. Она не может не думать о людях, которые кладут ноги на сиденье или, поковыряв в носу, вытирают палец о подлокотник.

Она и своим детям запрещает садиться на скамейки или дотрагиваться до лестничных перил. Ей противно водить их в парк на прогулки. Ей противно сажать их на детские горки. Ей противно брать подносы в «Макдоналдсе» и *особенно* противны все эти дурацкие обмены карточками с Покемонами. Ей противно иметь дело с продавцами колбасных секций, которые не носят резиновых перчаток, и с молоденькими продавщицами в булочных, которые не пользуются щипцами, подавая ей круассан. Ей противно думать о детских полдниках в школе и о посещениях бассейна, где все мальчишки хватают друг друга за руки и, уж конечно, заражают всех подряд грибком ступней.

В общем, наша Карина считает жизнь тяжелым

и рискованным занятием.

Меня всегда коробит, когда я вижу эти дезинфицирующие салфеточки.

Ну нельзя смотреть на другого человека как на мешок микробов. Пожимать ему руку, приглядываясь: а чистые ли у него ногти? Всегда быть начеку. Всегда прикрывать рот шарфиком. Всегда и во всем остерегать своих детей.

Не трогай, это грязное!

Вытащи оттуда руки!

Ни у кого ничего не бери!

Не ходи на улицу!

Не садись на землю, а то сейчас как влеплю!

Всегда мыть руки. Всегда полоскать рот. Всегда п***и***сать, привстав на десять сантиметров над унитазом, и целоваться, не касаясь губами. Всегда судить о других матерях по чистоте ушей их ребятни.

Всегда.

Всегда судить.

Та еще манера, с неприятным таким душком. Помнится, в доме у Карининых родителей уже к середине обеда зашла речь об арабах и начался разговор «начистоту».

Отец Карины называет их не арабами, а *чер-*

ножопыми.

Он говорит: «Для чего я плачу налоги — чтоб эти черножопые рожали по десять ублюдков на семью?»

Он говорит: «Эх, моя бы воля, погрузил бы я всю эту сволочь на корабль да пустил бы его торпедой ко дну!»

И еще он любит приговаривать: «Франция — страна нахлебников и лодырей. А французы все дураки безголовые».

Нередко он завершает свои речи так: «Я вкалываю шесть первых месяцев в году на свою семью, а вторые шесть — на государство, и пусть мне не талдычат о бедных и безработных, ясно? Я вкалываю половину времени на себя, а вторую половину на то, чтобы какой-то Мамаду мог брюхатить десяток своих черножопых баб, и не желаю, чтобы мне тут еще мораль читали!»

Мне особенно запомнился один из этих семейных обедов. Я не люблю о нем вспоминать. Он был устроен по случаю крестин малышки Алисы. Мы все собрались у родителей Карины, живших в окрестностях Мана.

Ее отец работает управляющим в каком-то «Казино» (имеется в виду бакалея, а отнюдь не рулетка), и вот когда я увидела его в конце мощеной

аллеи, между *его* фигурным кованым фонарем и *его* сверкающей «Ауди», то окончательно поняла значение слова «фат». Это смесь глупости и нахальства. Это непоколебимое самодовольство. Это небесно-голубой кашемировый пуловер, туго обтягивающий необъятное пузо. И странная манера эдак сердечно протягивать вам руку, при этом уже ненавидя вас в душе.

Когда я вспоминаю о том обеде, меня жжет стыд. И не меня одну. Полагаю, что Лоле и Венсану тоже особо гордиться нечем…

Симона не было с нами за столом, когда беседа приняла опасный оборот. Он ушел в глубину сада строить шалаш для своего сына.

Он-то уж, наверное, ко всему этому давно привык. И конечно, знает, что, когда толстяк Жако затевает «разговор начистоту», лучше всего просто удалиться.

Симон похож на нас: он не любит перебранок в завершение банкета, боится конфликтов, всячески избегает открытых столкновений. Он утверждает, что это напрасный расход энергии и что нужно беречь силы для более интересных баталий. И что бороться с такими людьми, как его тесть, — значит заранее обрекать себя на

неминуемое поражение.

А если с ним заговорить об ультраправых и о том, что экстремисты поднимают голову, он лишь покачает головой: «Ну, это нормально… Все равно что ил на дне озера. Тут ничего не попишешь, людям это свойственно. Просто грязь не надо трогать, она и не будет воду мутить».

И как только он может выносить эти семейные трапезы?! Как его хватает на то, чтобы помогать своему тестю стричь живую изгородь?!

Наверное, в эти минуты он думает о шалаше для Лео.

Думает о том мгновении, когда возьмет за руку своего любимого сынишку и они вместе скроются в затихшем подлеске.

Мне стыдно потому, что в тот день мы позволили себя раздавить.

Мы *снова* позволили себя раздавить. Мы ничего не ответили этому злобствующему бакалейщику, считающему себя пупом земли. Мы не осадили его. Мы не вскочили из-за стола. Мы продолжали медленно пережевывать кусок за куском, мысленно внушая себе, что этот тип просто дурак набитый и нужно просто отгородиться от него, поплотнее закутавшись в воображаемую тогу

молчаливого достоинства.

Бедные мы, бедные. Или нет — просто трусы.

Ну почему мы такими уродились, все четверо?! Почему люди, умеющие перекричать других, внушают нам такую робость?! Почему мы безоружны перед воинствующим сбродом?!

Что было не так в нашей семье? И где кончается хорошее воспитание и начинается трусость?

Как часто мы об этом говорили. Как часто били себя в грудь, каясь в преступном бездействии над остатками пиццы и окурками, натыканными куда попало. И ведь мы не нуждались в давлении со стороны, чтобы проявлять покорность. Мы были уже достаточно взрослыми, чтобы покоряться добровольно, и сколько бы выпитых бутылок ни валялось вокруг нас, мы всегда приходили к одному и тому же выводу. Что если мы стали вот такими — безответными, бессильными, готовыми к капитуляции перед дураками, — то лишь потому, что полностью утратили веру в себя. Потому что мы себя не любим.

Я хочу сказать, не лично себя, а вообще.

Мы слишком низко себя ценим.

Во всяком случае, ценим недостаточно для того, чтобы переорать папашу Молину, брызгая слю-

ной на его жилет. Недостаточно, чтобы хоть на секунду поверить, что наши негодующие вопли способны изменить ход его мыслей. Недостаточно, чтобы надеяться, что наши брезгливые мины, брошенные на стол салфетки и опрокинутые стулья смогут хоть на йоту изменить ход мировой истории.

Интересно, что подумал бы сей бравый налогоплательщик, увидев, как мы орем, размахиваем руками и покидаем его жилище с высоко поднятой головой? Наверняка тем же вечером прожужжал бы все уши своей супруге:

— Ну и мозгляки! Нет, ну просто мозгляки! Нет, ну в самом деле, какие мозгляки!..

Бедная женщина — ей-то зачем страдать?!

И вообще, кто мы такие, чтобы портить праздник двум десяткам гостей?!

А еще можно убедить себя, что это вовсе не трусость. С тем же успехом можно назвать это мудростью. Внушить себе, что мы умеем вовремя отступить. Что мы не любим копаться в дерьме. Что мы куда честнее всех этих людишек, которые без конца треплют языком, ровно ничем и никому не помогая.

Да, именно этим мы и утешаемся. Твердя себе, что мы еще молоды, но уже достаточно прони-

цательны. Что мы держимся елико возможно дальше от этого муравейника, что эта глупость нас совершенно не трогает. Плевать мы на нее хотели. У нас есть нечто более ценное. У нас есть мы. Мы богаты иначе.

Для этого достаточно всего лишь обратить взоры внутрь.

Чего там только нет — у нас внутри! Наши головы забиты множеством вещей, не имеющих ничего общего с их расистскими бреднями. Там есть музыка и писатели. Дороги, пороги, берлоги. Шлейфы падающих звезд на квитанциях от карточки Visa, выдранные страницы, заполненные воспоминаниями счастливыми и ужасными. Песни и припевки, что вертятся на языке. Записки, хранимые «на долгую память», любимые книги, мармеладные медвежата и поцарапанные виниллы. Наше детство, наши одинокие бдения, наши первые переживания и планы на будущее. Все эти часы лихорадочного ожидания под дверью и готовность помочь ближнему. Трюки Бастера Ки-

тона[6]. Письмо Армана Робена в гестапо[7] и Овен в облаках Мишеля Лейриса[8]. Сцена, в которой Клинт Иствуд оборачивается со словами: «Oh… and don't kid yourself, Francesca…»[9], и та, где Никола Карати защищает своих измученных больных на процессе их палача[10]. Праздничные гулянья 14 июля в Виллье. Аромат айвы в погребе. Наши дедушки и бабушки, сабля господина Расина и его сверкающая кираса[11]. Наши провинциальные фантазмы и зубрежка накануне экзаменов. Плащ мамзель Жанны, когда она садится на мотоцикл позади Гастона[12]. «Пассажиры ветра» Франсуа Буржона[13] и первые строки из книги Андре Горца[14], посвященные его жене, которые Лола вчера вечером прочитала мне по телефону, после того как мы с ней битый час проклинали

---

[6] Примечания: 6

Бастер Китон (наст. имя Джозеф Франк, 1895–1966) — американский киноактер, игравший в основном в немых кинофильмах.

[7] Примечания: 7

Арман Робен (1912–1961) — французский писатель и переводчик; в годы Второй мировой войны сотрудничал с профашистским правительством Петена.

[8] Примечания: 8

Мишель Лейрис (1901–1990) — французский писатель, поэт, этнолог и искусствовед. «Овен в облаках» — образ из его поэмы «Lena».

[9] Примечания: 9

Клинт Иствуд (р. 1930) — американский актер и режиссер. Фраза «О, не обманывай себя, Франческа!» взята из его фильма «Мосты округа Мэдисон» (1995).

[10] Примечания: 10

Никола Карати — герой итальянского телесериала «Лучшие из молодых» («La meglio gioventu», 2003, реж. Марко Туллио Джордана), психолог, который помог душевнобольным пациентам выиграть процесс против директора лечебницы, жестоко обращавшегося с ними.

[11] Примечания: 11

Отсылка к книге французского писателя и художника Томи (Жана-Том*а*) Унгерера «La grosse bête de Monsieur Racine», где герой носит кирасу и саблю, похожие на те, что носили солдаты во время франко-прусской войны 1870 г.

[12] Примечания: 12

Жанна, Гастон — герои комикса и мультсериала «Гастон Лагафф».

[13] Примечания: 13

Франсуа Буржон (р. 1945) — французский художник, автор комиксов, в т. ч., серии «Пассажиры ветра».

[14] Примечания: 14

Андре Горц (наст. имя Хорст Герард, 1923–2007) — французский философ и социолог. В 2007 г. в возрасте 84 лет покончил жизнь самоубийством вместе с женой.

эту чертову любовь: «Тебе скоро исполнится восемьдесят два года. Ты стала ниже на десять сантиметров, весишь всего сорок пять кило, но по-прежнему красива, грациозна и желанна». Марчелло Мастроянни в фильме «Очи черные» и платья от Кристобаля Баленсиаги. Запах пыли и сухого лошадиного навоза по вечерам, когда мы выходили из автобуса. Лаланны в своих мастерских, разделенных садом[15]. Две памятные ночи: первая — когда мы поменяли местами таблички на улице Добродетелей, а вторая — когда запихнули селедочные потроха под террасу ресторана, где работал этот долбонавт из Poêle Tefal. И памятный переезд в кузове грузового фургона, где, лежа на картонных коробках, мы прослушали, а Венсан зачитал нам вслух весь «Отчет»[16], от начала и до конца. И лицо Симона, когда он впервые в жизни услышал Бьорк, и музыка Монтеверди на автостоянке в «Макумбе»[17].

---

[15] Примечания: 15

Супруги Лаланн, Клод (р. 1924) и Франсуа-Ксавье (1927–2008), — французские дизайнеры и скульпторы, на протяжении 50 лет работавшие каждый в своей мастерской.

[16] Примечания: 16

«Отчет» («L'Etabli») — книга о французской молодежной оппозиции 70-х годов XX века.

[17] Примечания: 17

Клаудио Монтеверди (1567–1643) — итальянский композитор, виолист и певец. «Макумба» — ночной клуб.

Все сделанные нами глупости, и угрызения совести, и мыльные пузыри, которые мы пускали на похоронах крестного Лолы…

Все наши неудачные любовные романы, разорванные письма, друзья, которым всегда можно позвонить. И знаменательные ночи, и эта мания все всегда переставлять и перекладывать с места на место. И тот незнакомец или незнакомка, кого мы завтра ненароком толкнем на бегу, догоняя автобус, который нас не дождется.

Все это и еще много чего другого.

Вполне достаточно, чтобы не погубить свою душу.

Вполне достаточно, чтобы не вступать в перепалки с идиотами.

Да пусть они все сдохнут!

Впрочем, они и так сдохнут.

Они сдохнут сами, без нашей помощи, пока мы будем сидеть в кино.

Вот чем утешаешь себя, вспоминая тот день, когда мы промолчали и не полезли в драку.

И нужно помнить еще одно: во всем этом — в нашем внешнем безразличии, в нашей сдержанности, а также в слабости — есть доля вины наших родителей.

Доля вины — и доля заслуги.

Потому что это они приобщили нас к музыке и книгам. Это они рассказывали нам о других вещах и заставляли смотреть на мир по-другому. С большей высоты, с большего расстояния. Но именно они забыли дать нам главное — уверенность в себе. Им казалось, что это придет само собой. Что мы вполне готовы к взрослой жизни, а их похвалы только навредят этой уверенности.

Увы, это была ошибка.

Уверенность к нам так и не пришла.

И вот результат — благородные слабаки. Безголосые перед агрессивными обывателями, которые плевать хотели на наши высокие устремления и от которых порой начинает тошнить.

Может, от переизбытка сладкого крема…

Помню, как однажды мы всей семьей приехали на пляж в окрестностях Оссгора — а нам крайне редко случалось выбираться куда-либо всем вместе, ибо Семья, именно с большой буквы «С», никогда не была для нас таковой в полном смысле этого слова; и вдруг наш Старик (папа категорически не желал, чтобы его величали Папой, и когда посторонние удивлялись, мы говорили, что это, мол, из-за мая шестьдесят восьмого. Такое объяснение нам страшно нравилось

— «май 68-го» звучало как тайный код, это было все равно что сказать: «Он прилетел с планеты Зорг»), так вот, наш Старик вдруг оторвался от книги, поднял голову и спросил:

— Дети, вы видите этот пляж?

(Как вам нравится — назвать *пляжем* Серебряный берег![18])

— А известно ли вам, какое место вы занимаете во Вселенной?

(Еще бы не знать! Несчастные лишенцы, которым даже не разрешают — есть мороженое на берегу!)

— Вы все вместе взятые не больше одной песчинки. Вот этой вот крошечной песчинки. И ничего более.

И мы ему поверили.

Что ж, тем хуже для нас.

— Чем это пахнет? — с тревогой спрашивает Карина.

А я как раз обмазываю себе ноги снадобьем мадам Рашид.

— Господи, что… что это за отрава?

— Понятия не имею. Наверное, мед или жже-

---

[18] Примечания: 18

Курортный город Оссгор и Серебряный берег (пляж) находятся на бискайском побережье Франции.

ный сахар, смешанный с воском и пряностями…

— Какой ужас! Вот уж мерзость так мерзость! И ты занимаешься этим здесь, в машине?!

— А куда деваться? Не ехать же на свадьбу с волосатыми ногами. Еще примут за снежного человека.

Моя невестка с тяжким вздохом откидывается назад.

— Только, пожалуйста, не испачкай сиденье… Симон, выключи кондишн, я открою у себя окно.

— Выключи, *пожалуйста,* — добавляю я сквозь зубы.

Мадам Рашид завернула мне этот «рахат-лукум» во влажную тряпочку. «Ти пириходи к меня следущи раз. Пириходи к меня, я тибе что-то исделаю. Исделаю такой хороший вещь с твой садик лубви. Ти будешь видеть, какой он будет, твой мущин, когда я тибе убирать все оттуда, он будет тибе лубить как безумии, исделает для тибе все что ни попроси», — заверила она, хитро мне подмигнув.

Я улыбалась, вспоминая ее слова. Но не слишком радостно. Потому что ухитрилась-таки посадить пятно на подлокотник своего кресла и теперь пыталась незаметно стереть его салфет-

кой. Черт бы меня подрал!

— Ты что ж, и переодеваться намерена тут?

— Нет, мы остановимся где-нибудь не доезжая… Правда, Симон? Ты ведь найдешь для меня укромное местечко?

— Где пахнет лесными орешками?

— Очень надеюсь!

— А Лола? — спрашивает Карина.

— Что «Лола»?

— Она приедет?

— Не знаю.

Карина подпрыгивает от возмущения.

— Как это ты не знаешь?

— Да вот так, не знаю.

— Это просто невероятно!.. С вами никогда ничего не известно. Вечно одно и то же — эта непобедимая артистическая расхлябанность. Неужели так трудно быть серьезными, хотя бы время от времени?! Хоть чуточку?!

— Вчера я говорила с ней по телефону, — сухо ответила я. — Она была не совсем в форме и еще не знала, поедет или нет.

— Ты меня удивляешь!..

Ух, как я ненавидела этот противный снисходительный тон.

— И что же тебя удивляет? — не сдержалась я.

— О-ля-ля! Да ничего. С вами меня уже ничего не удивляет! И вообще, если Лола не в форме, это отчасти и ее вина. Она ведь этого хотела, разве нет? У нее просто талант попадать в самые невозможные ситуации. Даже представить себе не могу…

В зеркальце заднего вида отразились нахмуренные брови Симона.

— В общем, если хочешь знать мое мнение, я могу сказать только одно…

Да, точно. Ты можешь сказать только одно…

— Проблема Ло в том…

— Стоп! — взорвалась я в самом начале фразы. — Стоп! Я жутко не выспалась, давай отложим это на потом.

Карина приняла свой привычный оскорбленный вид:

— Ну, так я и знала, в этой семье мне никогда не дадут сл***о***ва сказать. Стоит сделать самое невинное замечание по поводу одного из вас, как трое других приставляют мне нож к горлу… Это просто смешно, наконец!

Симон пытался перехватить мой взгляд.

— Я вижу, ты хихикаешь над моими словами?

Вы оба хихикаете надо мной! Да уж, нечего сказать — взрослые люди, а ведете себя как малые дети. Я, кажется, имею право на собственное мнение… или уже нет? Поскольку вы никого не желаете слушать, вам никто не может ничего сказать, а поскольку никто не может вам ничего сказать, вы так и остаетесь неприкосновенными. И никогда не считаете себя виноватыми. Но я-то сейчас выскажу вам все, что об этом думаю…

(Да плевать нам с высокого дерева на то, что ты думаешь, моя милая!)

— Так вот, я думаю, что эта линия самозащиты, этот принцип «Мы сплочены, а на всех остальных нам плевать!» оказывает вам скверную услугу. Это не назовешь конструктивным подходом.

— Дорогая моя Карина, а *что,* по-твоему, конструктивно в нашем низменном мире?!

— Ой, только избавьте меня от этих ваших философских штучек и хоть на две минуты перестаньте корчить из себя разочарованных Сократов. В вашем возрасте эти пафосные высказывания просто нелепы… Послушай, ты когда-нибудь кончишь возиться с этой дурацкой мазью, в машине уже не продохнуть как воняет.

— Да-да, сейчас, — успокоила я ее, растирая пахучий комок по своим тощим белым лодыж-

кам, — уже почти все.

— Неужели ты потом не накладываешь крем? При эпиляции поры закупориваются и кожа не дышит, ее нужно обязательно увлажнить после процедуры, иначе на ногах до завтрашнего дня останутся красные точки.

— О черт, я ничего не взяла с собой.

— У тебя нет при себе увлажняющего крема?

— Нет.

— И ночного нет?

— Нет.

— То есть вообще ничего нет???

Карина пришла в ужас.

— Ну почему же… У меня с собой зубная щетка, паста, L'Heure Bleue[19], презервативы, тушь для ресниц и помада Labello rose.

Карина была убита.

— И это все, что есть в твоей косметичке?!

— Гм… В моей сумке. У меня нет косметички…

Она тяжело вздохнула, порылась в своих запасниках и протянула мне толстый белый тюбик.

— На, возьми… помажь хотя бы этим…

Я поблагодарила ее с улыбкой — на сей раз искренней. Она была довольна. Моя невестка

---

[19] Примечания: 19

L'Heure Bleue — популярные и очень дорогие духи фирмы Guerlain, впервые выпущенные в 1912 г.

жуткая зануда, но ей нравится доставлять другим удовольствие. Хотя бы это достоинство за ней нужно признать…

Кроме того, она не переносит закупоренных пор, от этого у нее просто сердце разрывается.

Помолчав с минутку, она снова заговаривает со мной:

— Гаранс…

— М-гм…

— Знаешь, что я считаю ужасно несправедливым?

— Наценки Marionn…[20]

— Нет. То, что ты будешь выглядеть красивой, несмотря ни на что. Тебе стоит чуть тронуть губы помадой, мазнуть ресницы тушью, и ты становишься красавицей. Язык не поворачивается сказать тебе это, но так оно и есть.

Я прямо оторопела. Впервые за много лет я услышала от нее что-то приятное. Мне даже захотелось ее расцеловать, но она тут же охладила мой порыв:

— Эй, ты не очень-то увлекайся, оставь мне хоть немного крема! Это все-таки не L'Oréal, прошу

---

[20] Примечания: 20

Имеется в виду крупнейшая французская парфюмерная компания Marionnaud.

не забывать.

Вот в этих словах вся Карина… Стоит ей проявить к человеку симпатию, как она тут же обязательно воткнет ему шпильку в одно место — из страха, наверное, что ее уличат в мягкосердечии.

А жаль. Таким образом она лишает себя массы приятных моментов. Как, например, сейчас: до чего было бы трогательно, если бы я бросилась ей на шею в искреннем порыве любви. И наградила бы горячим поцелуем, пока машина лавирует между двумя грузовиками… Но, увы, Карина всегда ухитряется все испортить.

Я часто думаю: хорошо бы взять ее к себе домой на несколько дней, на стажировку, чтобы научить жить по-людски.

Чтобы она наконец забыла о бдительности, расслабилась, сбросила свой белый халат и перестала считать микробов на окружающих.

Мне грустно видеть, как она живет в плену своих дурацких предрассудков, застегнутая на все пуговицы, неспособная на нежность. Но потом я вспоминаю, что ее воспитывали Жак и Франсина Молину, что она выросла в глухом углу жилого предместья Мана, и говорю себе: в общем-то, при таких обстоятельствах она могла быть куда

хуже…

Но перемирие длилось недолго, и теперь под обстрел попал Симон:

— Не веди так быстро… Заблокируй двери, скоро платить за дорогу… И приглуши ты наконец радио!.. Слушай, я велела ехать медленно, но не двадцать же километров в час!.. Зачем ты убавил кондишн?.. Осторожно — мотоциклисты!.. Ты уверен, что взял правильную карту?.. Будь добр, обращай внимание на указатели!.. Какая глупость, заправляться надо было раньше, здесь бензин наверняка дороже… Полегче на поворотах — не видишь, я крашу ногти!.. Ох, господи, да ты нарочно, что ли?..

Я вижу затылок брата, вдавленный в подголовник кресла. Его красивый гладкий затылок, коротко остриженную голову.

И спрашиваю себя: почему он терпит все это, неужели ему никогда не хотелось привязать ее к дереву и умчаться прочь на первой космической скорости?

Ну зачем она его так третирует? Да знает ли она, с кем говорит? Известно ли ей, что мужчина, сидящий рядом с ней, был богом игрушечных автомобилей? Чемпионом Meccano? Гением Lego?

Что этот мальчик на протяжении нескольких месяцев с бесконечным терпением строил фантастическую планету, оклеивал ее сухим мхом, призванным изображать растительный покров, населял множеством причудливых зверюшек, вылепленных из хлебного мякиша или скатанных из паутины?

Что этот мальчик с завидным упорством принимал участие во всех конкурсах компаний Nesquik, Ovomaltine, Babybel, Caran d'Ache, Kellogg's и Club Mickey и почти всегда занимал первое место?

А на одном из конкурсов он выстроил такой потрясающий песочный замок, что члены жюри дисквалифицировали его, заподозрив, что ему кто-то помогал. Он проплакал целый день, и нашему дедушке пришлось повести его в блинную, чтобы утешить. Там он выпил три кружки сидра подряд.

Это была его первая пьянка.

Знает ли она, что ее паинька муж много месяцев подряд, днем и ночью, носил пурпурный атласный плащ Супермена, который снимал только у дверей школы, бережно складывая в ранец? Что он был единственным, кто мог починить ксерокс в мэрии? А также единственным, кто удостоился чести видеть трусы Милены Каруа, дочери и

наследницы мясной лавки «Каруа и Сын» (он так и не посмел ей признаться, что это зрелище в общем-то не особенно его интересовало).

Симон Ларьо, сдержанный и корректный Симон Ларьо. Который на всем протяжении своего скромного жизненного пути был исключительно отзывчив и никогда никому не докучал.

Он никогда не валялся на земле, никогда ничего не требовал и никогда ни на что не жаловался. Блестяще закончил среднюю школу и без всякого напряга и приступов стенокардии поступил в Горный институт. Не захотел отмечать это событие и покраснел до ушей, когда директриса лицея Стендаля расцеловала его на улице, поздравляя с поступлением.

Тот же мальчуган, только уже повзрослевший, мог минут по двадцать как заведенный глупо гоготать, затянувшись косячком. А еще он знал наизусть *все* траектории *всех* кораблей «Звездных войн».

Я вовсе не утверждаю, что он святой, просто хочу сказать, что он заслуживает большего.

Тогда почему же? Почему он разрешает топтать себя ногами? Для меня это тайна. Тысячу раз я пыталась его расшевелить, открыть ему глаза,

потребовать, чтобы он стукнул наконец кулаком по столу. Тысячу раз.

Однажды Лола тоже сделала такую попытку. Он послал ее подальше, сказав, что его жизнь касается только его одного.

И верно. Это его жизнь, не наша. Но нам-то грустно на него смотреть.

А впрочем, все это глупости. У нас и собственных проблем по горло…

Чаще всего он общается с Венсаном. Потому что они оба активно пользуются Интернетом. Непрерывно переписываются, посылают друг другу всякие идиотские анекдоты и адреса сайтов, на которых можно найти виниловые пластинки, старые гитары или любителей макетов. Тем же путем Симон приобрел закадычного друга в Массачусетсе, и теперь они обмениваются фотографиями радиоуправляемых корабликов. Друга зовут Cecil (Сиссэл) W. (Дабл-Ю) Thurlinghton, он живет в большом доме на острове Martha's Vineyard.

Мы с Лолой считаем, что это супершикарно!.. Martha's Vineyard… «Колыбель клана Кеннеди»,

как выражаются в Paris-Match[21].

У нас с ней есть хрустальная мечта: сесть в самолет и пролететь над частным пляжем Сиссэла Дабл-Ю, возглашая сверху: *«Youhou! We are Simon's sisters, darling Cécile and we are so very enchantède!»*[22]

Мы представляем себе этого типа в темно-синем блейзере, хлопчатобумажном пуловере темно-розового цвета, наброшенном на плечи, и кремовых льняных брюках. То есть вылитой моделью от Ralph Lauren.

Когда мы грозим Симону опозорить его такой эскападой, он начинает слегка нервничать.

— Можно подумать, ты делаешь это нарочно! Я опять мазнула мимо!

— Слушай, сколько же раз ты покрываешь ногти лаком? — с беспокойством спрашиваю я.

— Три.

— Три слоя лака?

— Базовый бесцветный, потом цветной, потом

---

[21] Примечания: 21

Буквально: Виноградник Марты — остров длиной 32 км в Атлантическом океане у мыса Кейп-Код, в штате Массачусетс, откуда родом семья Кеннеди.

[22] Примечания: 22

Ю-ху! Дорогой Сиссэл, мы сестры Симона! Мы счастливы вас приветствовать! *(смесь фр. и англ.).*

фиксатор.

— Ага-а-а…

— Осторожно! Ты что, не мог предупредить, что затормозишь?

Он поднимает брови. Нет. Пардон. Только одну бровь.

Интересно, о чем он думает, когда вот так поднимает правую бровь?

Мы съели по резиноподобному сэндвичу на заправке у автотрассы. Гадость ужасная. Я-то рассчитывала на скромный комплексный обед в придорожной кафешке, но ведь «они же не умеют мыть салат!» Что верно то верно. Я и забыла. Итак, три сэндвича в вакуумной упаковке («Это гораздо гигиеничнее!»).

«Не очень-то вкусно, зато по крайней мере знаешь, что ешь!»

Конечно, такой взгляд на вещи тоже имеет право на существование.

Мы уселись на воздухе, рядом с мусорными баками. Каждые две секунды раздавалось гулкое «бамммм!» или «бумммм!», но мне хотелось выкурить сигаретку, а Карина не выносит запаха табака.

— Мне придется пойти в туалет, — объявила

она с трагической миной, — хотя там наверняка бог знает какая грязь…

— А почему бы тебе не пописать прямо на травку? — спросила я.

— На виду у всех? Ты с ума сошла!

— Ну отойди подальше. Хочешь, я тебя провожу?

— Нет.

— Почему нет?

— Я испорчу туфли.

— А-а-а… но… что такого страшного, если на них брызнет пара капель?

Карина встала, даже не соизволив мне ответить.

— Поверь мне, Карина, — торжественно провозгласила я, — в тот день, когда тебе понравится писать на травку, ты станешь гораздо счастливее!

Она вынула свои гигиенические салфеточки.

— Благодарю за совет, но я вполне счастлива.

Я посмотрела на брата. Он так пристально разглядывал кукурузное поле, будто задался целью сосчитать все початки до единого. И вид у него был довольно-таки невеселый.

— Все в порядке?

— В порядке, — ответил он, не оборачиваясь.

— А мне кажется, не очень…

Он растер ладонями лицо.

— Просто устал.

— От чего?

— От всего.

— Это ты-то?! Не верю.

— И все же это правда…

— Ты имеешь в виду работу?

— И работу. И жизнь. И все вообще.

— Почему ты мне это говоришь?

— А почему бы и не сказать?!

Он снова повернулся ко мне спиной.

— О, Симон! Не смей нас огорчать! Ты не имеешь права говорить так. Ведь ты же главный герой в нашей семье, не забывай!

— Вот именно… И этот герой устал.

Я совсем растерялась. Впервые я видела своего брата в таком унынии.

Если уж Симон опустил руки, то куда мы все катимся?

И в этот самый миг (назову его чудом и добавлю, что оно меня даже не удивило, а только вызвало желание расцеловать святого покровителя братьев и сестер, который вот уж скоро тридцать пять лет как опекает нас и сегодня тоже не

сплоховал, воистину святой!) у Симона зазвонил мобильник.

Это была Лола: она все же решилась ехать с нами и спрашивала, может ли он подхватить ее на вокзале Шатору.

Настроение тут же резко поднялось. Он сунул мобильник в карман и стрельнул у меня сигаретку. Вернулась Карина и, отдраивая себе руки салфеткой до самых локтей, напомнила Симону точное количество жертв рака легких… Он отмахнулся от нее небрежно, как от мухи, и она удалилась, многозначительно покашливая.

Значит, Лола решила ехать! Лола будет с нами! Лола нас не бросила, и это главное, а все остальное в этом мире может катиться ко всем чертям.

Симон нацепил солнечные очки.

Он улыбался.

Ну если Лола будет в наших рядах!..

Между ней и Симоном существует особая связь. Во-первых, они почти погодки: родились с интервалом в восемнадцать месяцев, и у них действительно было *общее* детство.

«400 ударов»[23] — это фильм их отрочества. Лола обладала бурным воображением, Симон

---

[23] Примечания: 23
Фильм французского режиссера Франсуа Трюффо (1959).

был послушен (уже тогда!); они сбежали из дома, заблудились, подрались, замучили друг друга, потом помирились. Мама рассказывает, что Лола не давала брату ни минуты покоя, постоянно изводила всякими вопросами, врывалась к нему в комнату, выхватывала книгу из рук или раскидывала его Playmobil. Моя сестра не любит, когда ей напоминают о ее нападках на брата (ей кажется, что таким образом ее ставят в один ряд с Кариной!), и нашей маме приходится на ходу менять тактику, добавляя, что Лола зато всегда была энергичной, готовой приглашать в дом всех окрестных мальчиков и придумывать массу интересных игр. Что она всегда верховодила в компании, выдавала тысячу новых идей в минуту и опекала своего старшего братца как заботливая наседка. Что она готовила ему всякие вкусности с шоколадом Benco и прибегала за ним, чтобы оторвать от Lego, когда начинался мультик с Гольдораком или Альбатором[24].

Лола и Симон еще застали Золотую эпоху. Так называемую эпоху Виллье. Когда мы все жили в

---

[24] Примечания: 24

Гольдорак — робот, главный герой популярного манга-сериала Го Нагаи (Go Nagai), экранизированного в 1975–1977 гг.; Альбатор — космический пират, главный герой манга-сериала Леиджи Матсумото (Leiji Matsumoto).

этом деревенском захолустье и наши родители были счастливы вместе. В те времена мир для Лолы и Симона начинался с крыльца дома и заканчивался на околице.

Вместе они удирали от *разъяренных быков*, которые на самом деле были мирными коровами и не думали на них нападать, и вместе наведывались в дома с привидениями, которые там жили *взаправду*.

Они чуть не свели с ума мамашу Маржеваль, звоня в ее дверь и удирая; они ломали капканы, писали в рукомойники монашек, находили у школьного учителя порножурналы, крали петарды, устраивали грандиозные фейерверки, а однажды выудили из речки котят, которых какой-то мерзавец бросил в воду живьем, завязав в целлофановый пакет.

Бац! Семь котят разом. Наш Старик — вот кто был доволен больше всех!

А что было в тот день, когда один из этапов «Тур де Франс» проходил через нашу деревню!.. Они набрали в булочной полсотни багетов и торговали сэндвичами до потери сознания. А на вырученные деньги накупили себе кучу всяких гаджетов и головоломок, шестьдесят «Малабаров», скакалку для меня, маленькую трубу для

Венсана (он уже тогда запал на музыку!) и последний выпуск комиксов Yoko Tsuno.

Да, на их долю выпало совсем другое детство… Они умели обращаться с веслами, знали вкус крыжовника и пробовали курить «волчий табак». Но больше всего их потрясло событие, которое они запечатлели в укромном месте, на стене за дверью чулана:

«Сиводни 8 ар… апреля мы видили абата вшортах».

А потом они так же, вдвоем, пережили развод родителей. Мы с Венсаном были еще совсем малявки и поняли, что дело плохо, только в день переезда. Зато наши старшие могли сполна насладиться происходящим. Они вставали ночью и, сидя рядышком наверху лестницы, слушали, как родители скандалят внизу. Однажды вечером Старик опрокинул огромный кухонный шкаф, а мама села в машину и уехала.

Десятью ступенями выше сидели наши старшие, сунув в рот большой палец.

Глупо, конечно, рассказывать такие подробности — их духовная связь объясняется чем-то гораздо б***о***льшим, чем эти печальные моменты. Но все же…

А вот у нас с Венсаном жизнь складывалась совсем иначе. Мы были «мелкотой». На смену велику пришел телик… Мы были неспособны заклеить велосипедную камеру, зато прекрасно умели чинить скейтборды и обводить вокруг пальца контролеров, пробираясь в кино через запасной выход.

А потом Лолу отправили в пансион, и в доме не осталось никого, кто мог подсказывать нам всякие сумасшедшие выходки и гоняться за нами по саду.

Мы писали друг дружке раз в неделю. Она была моей любимой старшей сестричкой. Я считала ее своим идеалом, посылала ей свои рисунки и посвящала стихи. Приезжая домой на выходные, она спрашивала меня, хорошо ли Венсан вел себя в ее отсутствие. «Конечно нет, — отвечала я, — конечно нет!» И подробно докладывала обо всех гадостях, которые он подстроил мне за прошедшую неделю. Она тут же, к великой моей радости, тащила его в ванную, чтобы выпороть.

И чем громче вопил мой братец, тем больше я ликовала.

А потом в один прекрасный день мне вздумалось порадовать себя дополнительно, увидев воочию, как он страдает. О ужас! — я это увидела.

Лола лупила хлыстом по пуфику, а Венсан скулил в такт, читая при этом свежий номер комиксов «Буль и Билл». Меня постигло жуткое разочарование. В тот день Лола была низвергнута со своего пьедестала.

Что в конечном счете обернулось к лучшему. Теперь мы с ней стояли вровень.

Ну а сегодня Лола моя лучшая подруга. Как в истории с Монтенем и Ла Боэси, ну вы помните… Потому что она — это она, а я — это я. Просто невероятно, что эта молодая тридцатидвухлетняя женщина приходится мне старшей сестрой. В общем, нам повезло в том смысле, что не пришлось друг друга искать.

Ее душе любезны «Опыты» с их высокими постулатами, согласно коим «негоже людям противиться установленному порядку вещей, в ином же случае они достойны кары», а философствовать означает учиться смерти. А мне ближе «Рассуждение о добровольном рабстве»[25] с его описанием жестоких притеснений народа

[25] Примечания: 25

«Опыты» французского писателя-гуманиста Мишеля Монтеня (1533–1592) — свод всевозможных размышлений по вопросам философии, истории, морали, религии и др. «Рассуждение о добровольном рабстве» французского поэта и публициста Этьена Ла Боэси (1530–1563) — трактат, в котором автор выступает против тирании абсолютной монархии, отстаивая право человека на свободу.

и обличением тиранов, которые считаются великими лишь потому, что народ поставлен на колени. Ей любезна истина, мне ближе судебные решения. Но обе мы ощущаем себя половинками единого целого и знаем, что одна без другой не многого стоит.

А ведь мы с ней такие разные… Она боится собственной тени — я на свою плюхаюсь не глядя. Она переписывает от руки сонеты — я скачиваю на свой комп свежие хиты. Она обожает живопись — я предпочитаю фотографию. Она никогда не рассказывает, что у нее на сердце, — я выкладываю все что думаю. Она не выносит конфликтов — я стремлюсь прояснить ситуацию сразу и до конца. Ей нравится быть слегка под хмельком — я предпочитаю напиваться в дым. Она не любит тусовки — я не люблю сидеть дома. Она не умеет развлекаться допоздна — я не способна ложиться спать вовремя. Она терпеть не может играть — я терпеть не могу проигрывать. Она готова помогать всем и каждому — я добра лишь до известных пределов. Она никогда не выходит из себя — я взрываюсь по любому поводу.

Она утверждает, что мир принадлежит тем, кто рано встает, — я умоляю ее говорить потише и дать мне выспаться. Она романтик — я прагма-

тик. Она вышла замуж — я до сих пор порхаю по жизни беззаботной стрекозой. Она не способна спать с мужчиной без любви — я не могу спать с мужчиной без презерватива. Она… Она нуждается во мне, а я — я нуждаюсь в ней.

Она никогда не судит меня. Принимает такой, какая я есть. С моим серым лицом и мрачными мыслями. Или с моим румянцем и розовыми надеждами. Лола знает, как безумно иногда хочется — ну просто вынь да положь! — купить плащ с капюшоном или туфли на шпильках. Ей понятно удовольствие взять и на раз спустить все, что лежит на кредитной карточке, а потом клясть себя на чем свет стоит, оставшись без гроша. Лола меня балует. Когда я захожу в примерочную, она придерживает занавеску и всегда говорит: ой, какая ты красивая… нет-нет, и вовсе оно тебя не толстит! При каждой нашей встрече она спрашивает, в кого я влюблена, и слегка морщится, когда я начинаю рассказывать о своих любовниках.

Если мы долго не виделись, она ведет меня в большой ресторан, к «Бофенже» или к «Бальзару», чтобы полюбоваться на «красавчиков». При этом я разглядываю «красавчиков» за соседними столиками, а она — официантов. Ее буквально зачаровывают эти верзилы в приталенных

жилетах. Она пристально следит за ними, придумывает им биографии в духе Соте[26] и подробно разбирает их изысканные манеры. Самое смешное, что рано или поздно настает момент, когда кто-то из них, окончив работу, уходит домой. И тут даже слепому видно, что он не имеет ничего общего с романтическим образом из сценария Лолы. Длинный белый фартук сменяют джинсы или, хуже того, спортивные штаны, а коллегам он бросает бесцеремонно:

— Бывай, Бернар!

— Бывай, Мими. До завтра, что ль?

— Размечтался, придурок! Не моя смена!

Лола опускает глаза и нервно комкает салфетку. Прощайте, телята, коровы и свиньи, Поль, Франсуа и все другие…[27]

Потом мы на какое-то время потеряли друг дружку из виду. Ее пансион, ее учеба, список ее свадебных подарков, отпуска, проведенные в

---

[26] Примечания: 26

Клод Соте (1924–2000) — французский режиссер и сценарист, снимавший фильмы о жизни и психологии «простых людей».

[27] Примечания: 27

«Прощайте, телята, коровы и свиньи!» — цитата из басни Жана де Лафонтена (1621–1695) «Перетта и молочный горшок», в которой молочница Перетта, мечтавшая купить телят, коров и свиней на деньги от продажи молока, разбивает горшок и разливает молоко. Поль и Франсуа — персонажи фильма К. Соте (см. выше) «Венсан, Поль, Франсуа и другие» (1975).

доме у свекров, званые ужины…

Родственная привязанность осталась, а вот непринужденность куда-то исчезла. Лола перешла в другой лагерь. Вернее, в другую команду. Нет, она не стала играть *против* нас — она просто вступила в лигу, которая была нам неинтересна. Что-то вроде дурацкого крикета с кучей невозможных правил, где нужно бегать за какой-то штуковиной, которую ты никогда не видишь и которая вдобавок больно бьет тебя по ногам… За кожаной штуковиной с пробковой сердцевиной (не обижайся, Лоло! Этой метафорой все сказано, но я не нарочно, так уж получилось!).

А мы, «малышня», пока что еще пребывали на ранней стадии развития. Вот зеленая лужайка — ур-р-а-а-а, вперед! Прыжки и гримасы. Вот мальчики постарше в белых рубашках поло — хуг, хуг, смерть бледнолицым! И пинки в задницу. В общем, картина ясна… Мы еще не созрели для чинных прогулок вокруг фонтана Нептуна в Версале…

Так оно все и шло. Мы перебрасывались короткими «приветами» на расстоянии. Она избрала меня крестной своего первого ребенка, я избрала ее поверенной своего первого любовного фиаско (и сколько же слез я пролила, стоя у купели!), но

в промежутках между всеми этими знаковыми событиями ничего важного не случалось. Дни рождения, семейные обеды, парочка сигарет, выкуренных тайком, чтоб не увидел дражайший муж (объелся груш), обмен понимающими взглядами или ее щека, приникшая к моему плечу, когда мы вместе рассматривали старые фотографии… Такова была жизнь… По крайней мере ее жизнь.

Что ж, уважаю.

А потом она к нам вернулась. С опаленной душой, с безумными глазами поджигательницы, принесшей назад одолженный коробок спичек. С твердым намерением развестись, что для всех явилось полнейшей неожиданностью. Нужно признать, она долго скрывала свою игру, эта упрямица. Все вокруг считали ее счастливой. Мне кажется, ею даже восхищались: надо же, так быстро и так просто устроить свою жизнь! «Молодчина Лола!» — признавали мы, без горечи и без зависти. Она по-прежнему предлагала лучшие игры в охотников за сокровищами!

А потом вдруг — бац! — изменения в программе!

Она ворвалась ко мне не позвонив, что было ей

совершенно несвойственно, в тот поздний час, когда люди принимают ванну и слушают вечерние новости. Она плакала и просила прощения. Ведь она искренне верила, что ее окружение — единственное оправдание ее жизни на этой земле, а остальное, все остальное — то, что зрело у нее в голове, всякие затаенные мысли и мелкие душевные горести, — не имеет большого значения. Главное — быть веселой и нести свой крест, скрывая усталость. А когда это становится не под силу, можно спасаться уединением, рисованием, прогулками, наконец, — все более и более долгими, — или радоваться колясочке с младенцем, детским книжкам, домашнему хозяйству — вот уж где совсем уютно.

Да, очень даже уютно… Просто сверхуютно, как у рыженькой курочки в сказке Папаши Бобра[28]:

Курочка-рыжуха — добрая хозяйка:

Ни пылинки в доме, все кастрюли в ряд.

На столе цветочки в розовом горшочке,

Занавески белые на окне висят.

Заглянуть к ней в гости всякий будет

---

[28] Примечания: 28
Французский мультсериал «Сказки Папаши Бобра».

рад…

Только вот какое дело: курочке-рыжухе капут — Лола свернула ей шею.

Как и все остальные, я просто обомлела от изумления. Потеряла дар речи. Она ведь никогда не жаловалась, никогда не делилась своими переживаниями и совсем недавно родила второго мальчугана, хорошенького, как ангел. Она была любима. У нее было все для счастья — так, кажется, принято выражаться. Принято у дураков.

Как следует реагировать, когда вам объявляют, что ваша солнечная система дала сбой? Что полагается говорить в таких случаях? Ведь это она, черт подери, она всегда была нашим предводителем. И мы ей доверяли. Во всяком случае, я ей доверяла. Мы с ней долго сидели на полу и хлестали мою водку. Она плакала и твердила, что ничего не понимает, не знает, как ей быть, потом замолкала и снова начинала плакать. Что бы она ни решила, она так и так будет несчастна. Уйдет от мужа или останется, все равно жить уже не стоит.

Спасибо «Зубровке», мне удалось немножко привести ее в чувство. Эй, очнись, не ты первая, не ты последняя, ну подумаешь, какое несчастье.

Когда свод правил игры распухает до размеров телефонного справочника, и ты бегаешь по кругу на этом дурацком поле одна, и никто, особенно *он,* не способен тебе посочувствовать, то, конечно, через какое-то время… гм… хочется слинять.

Но она меня не слышала.

— А ради малышей ты… ты не могла бы чуточку потерпеть? — робко прошептала я наконец, протягивая ей вторую пачку бумажных платков. Мой вопрос поразил Лолу в самое сердце, у нее даже слезы высохли. Значит, я так ничего и не поняла? Да ведь именно ради них она и готова резать по живому! Чтобы избавить их от душевных страданий. Чтобы они никогда не слышали, как их родители воюют друг с другом и плачут среди ночи. Потому что дети не должны расти в доме, где люди не любят друг друга, разве не ясно?!

Да. Не должны. Находиться — может быть, но не расти.

Продолжение этой истории было еще мрачнее. Адвокаты, слезы, шантаж, бессонные ночи, усталость, отказы, комплекс вины, горе одного против горя другого, ненависть, взаимные обвинения, суд, борьба семейных кланов, апелляция, удушливая атмосфера и попытки пробить лбом стену. А среди всего этого два маленьких мальчи-

ка с небесно-голубыми глазами, перед которыми она героически пыталась изображать рыжего клоуна, развлекая их перед сном историями о принцах-недоумках и принцессах-дурочках. Все это уже вчерашний день, но угли от того пожара тлеют и доселе. Лоле не много надо, чтоб боль, порождение боли причиненной, вновь затопила ее, и я знаю, как невыносимо тяжело бывает ей иногда по утрам. Однажды она призналась мне, что раньше, когда дети уезжали к отцу, она долго стояла одна в прихожей и глядела на себя рыдающую в зеркало.

Чтобы выплакать тоску.

Вот по этой-то причине она и не хотела ехать на сегодняшнюю свадьбу.

Из-за встречи с родней. Со всеми этими дядюшками, дряхлыми тетушками и троюродными кузенами. Со всеми этими людьми, которым не довелось разводиться. Которые смирились с судьбой. Которые повели себя иначе. Которые будут смотреть на нее со скрытым сочувствием или скрытым осуждением. Ну и все прочее, что бывает на свадьбах. Девственно-белый наряд, кантаты Баха, заученные наизусть клятвы в верности до гроба, благостные наставления кюре, руки жениха и невесты, сомкнутые на ноже для

совместного разрезания свадебного торта, и «Прекрасный голубой Дунай», когда ноги уже гудят от усталости. Но главное — дети. Чужие дети.

Которые весь день будут носиться взапуски по лужайке, в перемазанных праздничных костюмчиках, раскрасневшись от допитого тайком вина из чужих бокалов и жалобно умоляя не отправлять их засветло в постель.

Дети служат оправданием семейных сборищ и утешают нас в этой тяжкой повинности.

На них всегда приятнее всего смотреть. Они первыми выбегают на танцплощадку, они единственные, кто осмеливается заявить, что свадебный торт — гадость. Они влюбляются по уши впервые в жизни и засыпают в изнеможении прямо на коленях у матерей. Пьер должен был выступать дружкой жениха; он заранее удостоверился, что его кибер-меч красиво смотрится под широким сборчатым поясом, и уже прикидывал, не утаить ли ему несколько монет от церковного сбора. Но Лола перепутала даты, назначенные судьей: оказалось, что именно этот уик-энд дети должны провести с отцом. И значит, прощай, корзиночка для сбора денег, прощай, рисовая баталия на паперти! Ей советовали позвонить Тьерри, чтобы обменяться уик-эндами. Она даже

не ответила.

И все же она едет с нами! А еще нас ждет Венсан! Мы сядем вчетвером за отдельный столик где-нибудь подальше и, распивая вино, украденное с «большого» стола под тентом, будем сплетничать по поводу шляпы тетушки Соланж, бедер невесты и нелепых повадок жениха — нашего кузена Юбера в высоченном, взятом напрокат цилиндре, прочно сидящем на его оттопыренных ушах. (Его мать даже слышать не хотела о косметической операции: это, мол, Господне творение, и исправлять его негоже!) (Как вам это нравится — ну просто античная героиня!)

Итак, наш клан воссоединялся. Жизнь вчетвером снова вступала в свои права.

Трубите, звонкие рога! Кукуйте, вещие кукушки! Это мы, гасконские гвардейцы, карбонские гвардейцы, кастель-еще-какие-то гвардейцы, едем на свадьбу![29]

[29] Примечания: 29

Отсылка к «Песне гасконских гвардейцев» (из пьесы Э. Ростана «Сирано де Бержерак») о гвардейцах из Карбона и Кастель-Жалу.

#

— Ты зачем сюда свернул?

— Нужно заехать за Лолой, — ответил Симон.

Его дражайшая половина аж поперхнулась:

— Это еще куда?

— На вокзал Шатору.

— Ты шутишь?

— Вовсе нет. Она там будет через сорок минут.

— А почему ты мне раньше не сказал?

— Забыл. Она только что звонила.

— Когда это «только что»?

— Когда мы были на стоянке.

— Я ничего не слышала.

— Ты была в туалете.

— Ну ясно…

— Что тебе ясно?

— Ничего.

Но ее сжатые губы говорили обратное.

— А что, есть проблемы? — удивился мой брат.

— Нет. Нет проблем. Нет никаких проблем. Только в следующий раз советую поставить на крышу машины «зеленый огонек»: пусть все видят, что это такси.

Симон не ответил. Но его пальцы так стиснули руль, что суставы побелели.

Карина оставила Лео и Алису у матери, чтобы — дальше цитирую: двоеточие, кавычки, *провести уик-энд как пара влюбленных,* многоточие, кавычки закрываются, конец цитаты.

Атмосфера накалялась, ох, как она накалялась!

— И что же вы… собираетесь ночевать в одном гостиничном номере с нами?

— Нет-нет, — ответила я, замотав головой, — не беспокойся, конечно нет!

— Значит, вы для себя что-то забронировали?

— Э-э-э… нет…

— Ну разумеется… Заметь, я так сразу и подумала.

— Да это не проблема! Переночуем где-нибудь! Например, у тетушки Поль!

— У тетушки Поль нет лишней кровати. Она как раз сказала мне это позавчера по телефону.

— Ну значит, вообще не будем спать, вот и все!

В ответ она прошипела что-то вроде «нуивспитаньце», терзая бахрому своей пашмины.

Я так и не поняла, что она имеет в виду.

Нам не повезло: поезд опоздал на десять минут, и, когда пассажиры наконец вышли на перрон,

Лолы среди них не было.

Мы с Симоном «прижали уши».

— Вы уверены, что не спутали Шатору с Шатоденом? — проскрежетала наша железная леди.

И вдруг, надо же… Да вот она!.. В самом конце перрона. Она ехала в заднем вагоне — наверное, вскочила на подножку в последний момент, — но слава богу, она здесь и идет к нам, грациозно покачивая бедрами и приветственно размахивая руками.

Верная самой себе и именно такая, какой я ожидала ее увидеть. С улыбкой на губах, в мягких «балетках», белой блузке и старых джинсах.

А еще она была в бесподобной шляпе! С огромными мягкими полями и широкой черной атласной каймой.

Она расцеловала меня со словами: какая ты красивая сегодня, подстриглась, что ли? Обняла Симона, погладив его по спине, и сняла свою обалденную шляпу, чтобы не помять Каринины кудельки.

Лоле пришлось ехать в вагоне для велосипедов — лишь там нашлось место для ее шикарного головного убора, и она спросила, готовы ли мы потратить на нее еще минутку: ей хотелось зайти

в привокзальный буфет и купить себе сэндвич. Карина выразительно посмотрела на часы, а я воспользовалась этой паузой, чтобы выбрать в киоске журнальчик про кинозвезд и прочий бомонд.

Туалетное чтиво. Наша постыдная слабость к гламуру…

Мы уселись в машину, и Лола спросила Карину, не может ли она подержать ее шляпу у себя на коленях. «Ну разумеется, — ответила та с кислой улыбочкой, — о чем речь!»

Моя сестра вопросительно глянула на меня, словно желая спросить: что-то уже случилось? И я воздела глаза к небу, безмолвно ответив: все как обычно.

Она улыбнулась и спросила Симона, есть ли в машине музыка.

Карина ответила, что у нее болит голова.

Я тоже улыбнулась.

Потом Лола спросила, нет ли у кого-нибудь лака — она хотела накрасить ногти на ногах. Спросила раз, спросила два, не получила ответа. Наконец наша обожаемая «мадам аптекарь» протянула ей красный флакончик.

— Только смотри не запачкай сиденье, слы-

шишь?

Затем мы стали болтать всякие глупости, ну, знаете, как болтают сестры. Эту сцену я опущу. Потому что в наших разговорах сплошные намеки, недомолвки, хиханьки и хаханьки. В общем, это нужно слышать, иначе и пересказывать бесполезно.

Такое могут понять только родные сестры.

И вот мы оказались в сельском захолустье. Карина с картой в руках изрядно допекла Симона, и в какой-то момент он не выдержал:

— А ну-ка отдай эту чертову карту Гаранс! Она единственный человек в нашей дурацкой семейке, который способен ориентироваться на местности!

Мы, сидевшие сзади, нахмурились и переглянулись. Два грубых слова и восклицательный знак в конце… Кажется, дело дрянь.

Немного не доехав до резиденции тетушки Поль, Симон высадил нас на узенькой тропинке, заросшей кустами ежевики. Мы было кинулись к ним, вспоминая с дрожью в голосе наш сад в Виллье, и тогда Карина, не пожелавшая тронуться с места, напомнила нам, что на ягоды мочатся лисы.

Ну мочатся и мочатся, наплевать!..

Ошибка…

— Я так и знала! Слово «эхинококкоз» вам, конечно же, ничего не говорит. Через мочу передаются личинки паразитов и…

Я, конечно, виновата, очень виновата, но тут уж я не смогла сдержаться:

— Да ерунда все это! Бред собачий, вот что! Лисы бегают по всей округе и могут мочиться где угодно! На дорожках! На пригорках! Под любым деревом, на любом близлежащем поле; за каким чертом они будут писать именно на ежевику?! Именно на эту вот, на нашу ежевику?! Что ты несешь? У меня просто уши вянут тебя слушать… легче повеситься, ей-богу! Такие, как ты, вечно портят всем удовольствие…

Да простятся мне эти слова. Это моя вина. Мой грех. Mea culpa[30]. А ведь я дала себе твердый зарок — сдерживать эмоции. Оставаться спокойной и бесконечно невозмутимой, в духе дзен. Еще сегодня утром, глядя в зеркало, я предупредила себя, погрозив пальцем: «Гаранс, не пререкайся с Кариной, слышишь? Хоть раз в жизни промолчи

---

[30] Примечания: 30

Mea culpa — моя вина! *(лат.).* Как правило, говорится при церковном покаянии.

и не строй кислую физиономию[31], когда она разглагольствует!» Но тут я не стерпела. В чем и раскаиваюсь. Приношу свои нижайшие извинения. Она отравила нам радость от ежевики и часть воспоминаний о детстве. Она безумно меня раздражает. Я не могу ее выносить. Еще одно такое замечание, и я запихну ей в глотку Лолино сомбреро.

Видимо, Карина почувствовала эту угрозу, так как она захлопнула дверцу и завела машину. Чтобы работал кондишн.

Вот и это тоже меня раздражает — люди, которые запускают двигатель не для того, чтобы ехать, а чтобы ноги греть или голову охлаждать, ну да ладно, черт с ними. О перегреве планеты мы поговорим в другой раз. Она закрылась от нас в машине, и это уже хорошо. Настроимся на позитив.

Пока мы переодевались, Симон прогуливался неподалеку, разминая ноги. Итак, о нарядах: я купила себе великолепное сари в пассаже Brady,

---

[31] Примечания: 31

Отсылка к фильму фр. режиссера М. Карне «Северный отель», где героиня (в исполнении актрисы Арлетти) произносит реплику, ставшую поговоркой: «Atmosphère… atmosphère… estce que j'ai une gueule d'atmosphère?» (Подумаешь, кислая обстановка… я же не строю кислую физиономию!).

рядом с моим домом. Из ткани бирюзового цвета, расшитой золотой нитью и украшенной жемчужинами и крошечными бубенчиками. Комплект состоял из узенького лифа с низкой проймой, длинной прямой очень узкой юбки с разрезом почти доверху и широченного шарфа, позволявшего прикрыть все это великолепие.

Словом, шик-блеск!

И вдобавок еще серьги со звенящими подвесками, все амулеты Раджастана на шее, десять браслетов на правой руке и почти вдвое больше на левой.

— Тебе очень идет! — постановила Лола. — Просто невероятно! Только ты можешь себе это позволить — еще бы, с таким чудным животиком, плоским, подтянутым…

— Конечно, — отозвалась я, радостно поглаживая означенное место, — попробовала бы ты каждый день подниматься на седьмой этаж без лифта.

— Увы, две беременности не шутка, у меня теперь и пупка-то не разглядишь — утонул в жире… Смотри обязательно принимай меры после родов! Каждый день втирай укрепляющие кремы и…

Я пожала плечами. Мое скудное воображение не позволяло мне заглядывать так далеко в бу-

дущее.

— Застегни меня, пожалуйста! — прощебетала она, повернувшись ко мне спиной.

Лола уже в который раз надела свое черное платье из фая. Очень простое, с круглым вырезом, без рукавов и со множеством мелких, обтянутых тканью пуговичек на спине, сверху донизу, как на сутане кюре.

— Ты не очень-то разорилась ради свадьбы нашего дорогого Юбера, — констатировала я.

Лола с улыбкой обернулась ко мне:

— Как сказать…

— А что?

— Угадай, сколько стоит моя шляпа?

— Двести?

Она презрительно пожала плечами.

— Ну а сколько?

— Даже сказать не смею, — хихикнула она. — Ты в обморок упадешь.

— Перестань дергаться, идиотка, а то мне твои пуговки не поймать…

В этом году в моду вошли «балетки». Лолины были из мягкой кожи, со шнуровкой, мои — усеяны золочеными цехинами.

Симон хлопнул в ладоши:

— А ну-ка по машинам, Bluebell Girls![32]

Цепляясь за руку сестры, чтобы не споткнуться, я пробормотала:

— Предупреждаю: если эта поганка спросит, зачем я оделась как на маскарад, я заставлю ее съесть твою шляпу.

Карине так и не представился случай высказаться, потому что перед тем, как сесть в машину, я несколько изменила свой костюм. Юбка оказалась чересчур узкой, и мне пришлось снять ее, чтобы она не треснула.

В результате я плюхнулась на сиденье из дорогого альпага-с-вискозой в одних стрингах и застыла в торжественной позе.

Мы с Лолой навели красоту с помощью моей пудреницы, тогда как наша эхинококковая королева изучала себя в зеркальце на лобовом стекле, проверяя, как на ней сидят клипсы.

Симон умоляюще попросил нас не душиться всем вместе одновременно.

Мы прибыли в нашу глухомань почти вовремя.

---

[32] Примечания: 32

Труппа танцовщиц, созданная легендарной ирландкой, хореографом и танцовщицей мисс Блюбэлл (Маргарет Келли Лейбовиц, 1910–2004), прославившая кабаре «Лидо».

Я натянула юбку, укрывшись за машиной, и мы отправились на церковную площадь под изумленными взглядами туземцев, выглядывающих из окон.

Прелестная молодая женщина в серо-розовом наряде, болтавшая с дядей Жоржем, оказалась нашей мамой. Мы бросились ей на шею, стараясь, однако, избежать следов от ее поцелуев.

Мама, как опытный дипломат, первым делом расцеловалась со своей невесткой, похвалила ее платье и лишь потом со смехом обернулась к нам:

— Гаранс, ты просто ослепительна! Тебе бы еще для полноты картины красный кружочек на лбу!

— Этого только не хватало! — бросила Карина, прежде чем наброситься с поцелуями на бедного дряхлого дядюшку. — Мы же все-таки не на маскараде…

Лола сделала вид, будто хочет отдать мне свою шляпу, и мы обе зашлись в хохоте.

Наша мама взглянула на Симона:

— Неужели они так безобразничали всю дорогу?

— Еще хуже! — серьезно подтвердил он.

И добавил:

— А Венсан где? Разве он не с тобой?

— Нет. Он работает.

— Работает… где?

— Да все там же — в своем замке, конечно. Наш старший брат вдруг как-то осел, став ниже сантиметров на десять.

— Ну вот… а я-то думал… Он же обещал приехать…

— Я долго его уговаривала, но он отказался наотрез. Ты ведь знаешь, он — и свадебные торжества…

Симон был просто убит.

— А я-то ему подарок привез! Виниловый диск… редчайший! Мне так хотелось с ним пообщаться… Я же с самого Рождества его не видел. Да-а-а, вот так номер… Ладно, пойду-ка я выпью с горя…

Лола состроила гримасу:

— Калламба! Сто-то наса дологая Симонетта совсем ласклеилась…

— Ты меня удивляешь! — возразила я голосом нашей мадам Брюзги, следя, как та обцеловывает наших престарелых тетушек. — Ты меня удивляешь!

— Как бы то ни было, девочки, вы обе великолепны! Надеюсь, вы сможете развеселить Симона. Заставьте его потанцевать сегодня вечером, хорошо?

И она удалилась — хлопотать и встречать гостей…

Мы провожали взглядом эту миниатюрную моложавую женщину. Какая грация, какие манеры, элегантность, стиль, шик… высший класс!

Настоящая парижанка.

Лола помрачнела. Две очаровательные маленькие девочки с веселым смехом бежали за свадебным шествием.

— Вот что, — сказала она, — пойду-ка я разыщу Симона…

И я осталась одна, как идиотка, торчать посреди площади, в своем сари с уныло обвисшим подолом.

Но ненадолго, как вы сами понимаете, ибо наша кузина Сикстина поспешила ко мне, кудахтая:

— О, Гаранс! Харе Кришна! Ты на маскарад собралась или как?

Я выдавила из себя улыбочку, стараясь удержаться от комментариев по поводу ее плохо обесцвеченных усиков и костюма цвета незрелых яблок от какой-нибудь безансонской Christine Laure.

Не успела она отойти, как в меня вцепилась

тетушка Женевьева:

— Боже мой, кто это — неужели моя милая… э-э-э… Клемане?! Господи, что за железная штуковина у тебя в пупке? Надеюсь, тебе не больно ее носить?

«Ну хватит с меня, — подумала я, — лучше пойду в кафе к Симону и Лоле…»

Они расположились на террасе. С пол-литровыми кружками пива под рукой. Вытянув ноги и подставив лица солнышку.

Я плюхнулась в пластмассовое кресло рядом с ними и заказала себе то же самое.

Мы сидели умиротворенные, довольные жизнью, с пивной пеной на губах и глазели на добрых людей вокруг, которые сплетничали о добрых людях возле церкви. Ну настоящий театр!

— Эй, кто это там, уж не новая ли женушка рогоносца Оливье?

— Которая, маленькая брюнетка?

— Да нет, вон та блондинка, рядом с этими Ларошфу-ты-ну-ты…

— Господи спаси! Да она еще страшнее прежней! А ты глянь на ее сумку…

— Gucci, да не тот.

— Верно. Даже в Вентимилье[33] такими не торгуют. Липовый Goutch', китайская дешевка…

— Вот стыдоба-то!

Так могло продолжаться до бесконечности, если бы за нами не явилась Карина:

— Ну, пошли! Сейчас начнется…

— Идем, идем, — сказал Симон, — сейчас только пиво допью.

— Но если мы не поспешим, у нас будут плохие места и я ничего не увижу.

— Так иди вперед, я же сказал, что догоню.

— Только поторопись, пожалуйста!

Отойдя метров на двадцать, она обернулась и крикнула:

— Зайди вон в ту маленькую бакалею напротив, купи рис!

И тут же добавила:

— Только не слишком дорогой, слышишь? Не вздумай брать Uncle Ben's, как в прошлый раз! Нам это ни к чему…

— Ладно, ладно, — пробормотал он себе под нос.

Вдали показалась невеста под руку со своим

---

[33] Примечания: 33

Вентимилья — итальянский городок на границе с Францией, где расположен огромный дешевый вещевой рынок.

родителем. Скоро, очень скоро у этой мышки народится небольшой выводок мышат с оттопыренными, как у Микки-Мауса, ушами. Мы сосчитали опоздавших и похлопали маленькому церковному служке, который мчался во весь опор к церкви, путаясь в своем белом стихаре.

Когда колокола смолкли и аборигены вернулись к столам с клеенчатыми скатерками, Симон сказал:

— Мне хочется повидать Венсана.

— Знаешь, даже если позвонить ему прямо сейчас, — ответила Лола, взявшись за сумку, — то когда еще он приедет…

В этот момент мимо нас прошел дружка жениха, причесанный на косой пробор, во фланелевых брючках. Симон окликнул его:

— Эй, мальчик! Хочешь, я дам тебе денег на флиппер, пять партий?

— Ага…

— Тогда вернись в церковь, а когда окончится месса, подойдешь к нам.

— Только деньги прямо сейчас!

С ума сойти! Ну и детки нынче пошли!..

— На, держи, юный мошенник. Только помни, со мной шутки плохи. Ты обещаешь, что найдешь нас?

— А можно я сыграю одну партию до мессы?

— Ладно, играй, — вздохнул Симон, — но потом быстро в храм, понял?

— О'кей.

Мы еще немножко посидели на террасе, и вдруг Симон спросил:

— А что если нам к нему съездить?

— К кому?

— К кому, к кому — к Венсану!

— И когда же? — поинтересовалась я.

— Да сейчас.

— Прямо сейчас?

— Я не ослышалась: сейчас? — повторила за мной Лола.

— С ума сошел? Ты и вправду хочешь сесть в машину и слинять отсюда?

— Дорогая Гаранс, я полагаю, что ты очень точно сформулировала суть моего замысла.

— Совсем сбрендил! — заявила Лола. — Кто же уезжает вот так вот со свадьбы?

— А почему бы и нет? (И он пошарил в карманах в поисках мелочи.) Пошли… Вы идете, девочки?

Мы не реагировали. Симон воздел руки к небу:

— Ну я кому сказал: мы сваливаем! Смываемся! Делаем ноги! Сматываем удочки! Удираем! Дарим себе глоток свободы!

— А как же Карина?

Симон опустил руки.

Потом достал из кармана автоматический карандаш, перевернул картонный кружок из-под бокала и нацарапал на чистой стороне:

«Мы отъехали в замок Венсана. Поручаю тебе Карину. Ее вещи лежат на переднем сиденье твоей машины. Целую».

— Эй, мальчик! Изменения в программе. Тебе не придется идти на мессу, но ты передашь вот это даме в сером костюме и розовой шляпке, ее зовут мадам Мод, запомнишь?

— Ясно.

— Как успехи?

— Два дополнительных шарика.

— Повтори, что я велел сделать.

— Расписаться в списке поздравлений и отдать ваш пивной кружок даме в розовой шляпке по имени Мод.

— Дождешься ее у выхода из церкви и только тогда отдашь мою записку.

— О’кей, но только это будет стоить дороже.

И он нахально ухмыльнулся.

#

— Ты забыл ее косметичку…

— Ох ты черт! Этого она мне никогда не простит. Надо вернуться.

Я положила косметичку Карины на самом виду, поверх ее сумки, и мы рванули с места, подняв облако пыли. На такой скорости, будто ограбили банк.

Вначале мы даже говорить боялись. Все были слегка взбудоражены, а Симон то и дело нервно поглядывал в зеркальце заднего вида.

Похоже, мы ожидали услышать сирены полицейской машины, брошенной в погоню разъяренной Кариной, проклинающей нас с пеной у рта. Но нет, обошлось. Все было спокойно.

Лола сидела рядом с Симоном, а я просунулась вперед между их креслами. Каждый из нас ждал, что кто-то другой нарушит смущенное молчание.

Симон включил радио, и Bee Gees заблеяли свое:

And we're stayin' alive, stayin' alive…

Ha, Ha, Ha, Ha… Stayin' alive, stayin' alive…[34]

Вот так номер! Слишком прекрасно, чтобы быть правдой! Знак судьбы! Перст Господний! (На самом деле всего-навсего посвящение Пату своей Дани, в честь годовщины их встречи на балу в Треньяке в 1978 году, но это мы узнали значительно позже.) Мы хором подхватили вслед за ними: *«Ha! Ha! Ha! Ha!.. STAYINALIIIIIIII–VE…»*, пока Симон выписывал кренделя на департаментском шоссе № 114, одной рукой держа руль, а другой срывая с шеи галстук.

Я сняла юбку и снова надела джинсы. Лола протянула мне шляпу, попросив положить на заднее сиденье.

Принимая во внимание ее цену, моя сестра была слегка огорчена, что не смогла покрасоваться в своей обновке.

— Ба! Не расстраивайся, наденешь ее на мою свадьбу, — сказала я в утешение.

Хихиканье — переходящее в смех — переходящий в хохот — в уютном салоне.

Атмосфера разрядилась. Нам удалось выпих-

---

[34] Примечания: 34

«Мы все еще живы» *(англ.)* — песня британской группы Bee Gees.

нуть чужаков из нашего космического корабля.

Теперь оставалось только подобрать последнего члена экипажа.

Я разыскивала на карте Венсаново захолустье, а Лола работала диджеем. У нее был выбор между France Bleu Creuse и Radio Gélinotte[35]. Ничего особенно хорошего не попадалось, но какое это имело значение?! Мы трепались вовсю как ненормальные.

— Никогда бы не подумала, что ты на такое способен, — сказала наконец Лола, обратившись к нашему водителю.

— Чем старее, тем умнее, — с улыбкой отозвался он, принимая от меня раскуренную сигаретку.

Мы ехали уже два часа, и я как раз описывала им свое путешествие в Лиссабон, как вдруг…

— Что с тобой? — забеспокоилась Лола.

— Ты разве не видела?

— Что видела?

— Собаку.

— Какую собаку?

— Там, на обочине…

— Дохлую?

---

[35] Примечания: 35

France Bleue Creuse — местное радио региона Крёз, Radio Gélinotte — канал экологической службы.

— Нет. Брошенную.

— Ну и что? Стоит ли из-за этого так переживать!

— Просто я видела ее взгляд, понимаешь?

Нет, они не понимали.

Но я-то была уверена: этот пес меня засек.

И почему-то жутко расстроилась, однако тут Лола восславила наш побег, затянув во все горло саундтрек из фильма «Миссия невыполнима», причем так безбожно перевирала мелодию, что отвлекла меня от грустных мыслей.

Я смотрела в дорожную карту, грезила наяву, перебирала в памяти покерные комбинации прошлой ночи. Признаться, я смухлевала в последней партии, поскольку у меня было на руках совершенно безнадежное каре… Ну и что такого?! Я же выиграла, черт возьми, а победителя не судят…

И все это было вполне оправданно — в свете сегодняшних событий.

#

Когда мы прибыли на место, только что началась последняя экскурсия.

Какой-то молодой парень, довольно замызганного вида, с бледным лицом и глазами как у вареного судака, посоветовал нам присоединиться к группе посетителей: они сейчас на втором этаже.

Группа случайных туристов состояла из толстозадых дам, пары школьных учителей (муж и жена в ботинках Mephisto), нескольких солидных семейных пар с мрачными отпрысками трудного возраста и кучки голландцев. При нашем появлении все они обернулись дружно, как по команде.

Сам Венсан нас не видел. Он стоял к нам спиной и расписывал свои галереи и бойницы с таким пылом, какого мы за ним никогда прежде не замечали.

Первый шок: на нем был блейзер (правда, довольно поношенный), полосатая рубашка с запонками, легкий шейный платок и брюки сомнительной свежести, но с отворотами. Далее: его щеки были гладко выбриты, а волосы акку-

ратно зачесаны назад.

Второй шок: он нес какую-то ахинею.

«Замок принадлежал нашей семье на протяжении многих веков. Нынче я живу здесь один, мечтая создать семью и привести в порядок крепостной ров.

Замок считается проклятым, ибо он был построен тайком для любовницы третьего незаконного сына Франциска I, некоей Изоры де О'Бребан, согласно преданию, сошедшей с ума от ревности по вине этого бастарда, а кроме того, занимавшейся колдовством.

…И по сей день, дамы и господа, когда луна входит в первый декан месяца и наливается кроваво-красным цветом, из погребов, служивших некогда темницами несчастных узников, доносятся загадочные звуки, похожие на хриплые стоны…

При ремонте нынешней кухни, которую вы сейчас увидите, мой дед обнаружил в стене тайник, а в нем замурованные человеческие кости времен Столетней войны и несколько монет эпохи Людовика Святого. Слева от вас находится гобелен XII века, справа — портрет нашей знаменитой куртизанки. Обратите внимание на родинку под

ее левым глазом: это неоспоримое свидетельство Божьего проклятия…

Затем вы полюбуетесь великолепным видом, открывающимся с террасы. В те дни, когда сильный ветер разгоняет дымку тумана, вдали можно увидеть башни церкви Святого Роха.

А теперь попрошу вас пройти сюда. Спускайтесь осторожно, ступени крутые!»

Ущипните меня, может, я сплю?

Туристы старательно разглядывали родинку колдуньи и спрашивали Венсана, не бывает ли ему страшно по ночам.

— Конечно, страшно, но мне, черт возьми, есть чем защититься!

И он указывал им на старинные латы, алебарды, арбалеты, палицы и прочий железный хлам, развешанный над лестницей.

Люди понимающе кивали и наводили камеры и фотоаппараты на эту древность.

Он что, рехнулся?

Когда группа покидала комнату, мы прошли перед ним и у него просветлело лицо. О нет, никаких бурных проявлений радости. Всего лишь легкий кивок. Да-а-а… вот что значит кровное родство и многовековые традиции учтивого

обхождения.

Сразу видно — аристократ!

Мы хихикали, стоя среди древних шлемов и аркебуз и слушая, как он расписывает трудности содержания такого огромного строения… «Четыреста квадратных метров кровли, два километра водостоков, тридцать залов, пятьдесят два окна и двадцать пять каминов… И это при отсутствии отопления! Как, впрочем, и электричества. Да, совсем забыл, что и водопровода тоже нет! Откуда и проблема найти невесту вашему покорному слуге, дамы и господа…»

Слушатели дружно рассмеялись.

«Здесь перед вами очень редкий портрет графа де Дюнуа. Обратите внимание на этот герб, вы увидите его же выбитым на фронтоне над парадной лестницей в северо-западном углу двора.

А теперь мы находимся в комнате с альковом, обустроенной в XVIII веке для одной из моих прапрабабок, маркизы де ла Ларьотин, которая приезжала охотиться в окрестностях замка. И не только, увы, охотиться… Так что несчастному маркизу, ее супругу и моему предку, мог позавидовать и десятилетний олень, чьей головой, увенчанной ветвистыми рогами, вы только что

любовались в столовой… Осторожно, мадам, это очень хрупкая вещь. Зато я настоятельно рекомендую вам заглянуть в эту маленькую туалетную комнату… Щетки, коробочки с солями, баночки с притираниями — все это подлинные туалетные принадлежности знатной дамы тех времен… Нет, мадемуазель, это ночной горшок второй половины XX века, а это тазик для сбора дождевой воды, на случай протечки…»

«Ну а теперь мы с вами подходим к самой красивой части замка: перед вами винтовая лестница северного крыла, с ее великолепным цилиндрическим сводом. Безупречный стиль, жемчужина Ренессанса!..

Умоляю вас не дотрагиваться до перил, ибо время делает свое черное дело и тысячи пальцев, к великому моему огорчению, вредят мрамору не меньше, чем острые гвозди».

Нет, ребята, у меня, наверно, бред, галлюцинации!

«К сожалению, я не смогу показать вам часовню, которая в данный момент находится на реставрации, но зато торжественно заверяю, что перед тем, как покинуть мою скромную обитель, вы сможете прогуляться по аллеям парка, где

непременно почувствуете загадочные флюиды, источаемые этими древними каменными стенами, возведенными, как я уже говорил, с целью скрыть от нескромных глаз любовные утехи королевского бастарда, попавшего в сети коварной красавицы-колдуньи…»

Приглушенный шепот слушателей.

«Желающие могут приобрести почтовые открытки, сфотографироваться в доспехах на память об этом посещении и посетить туалеты, расположенные у ворот парка».

«Желаю вам приятного дня, дамы и господа, и прошу не забыть вашего гида. Хотя что я говорю! Не гида, а несчастного каторжника, навеки прикованного к этому замку, раба-аристократа, который ждет от вас не милостыни, а скромного пожертвования, которое позволило бы ему продержаться до возвращения графа Парижского[36].

Благодарю!..

Благодарю, прекрасные дамы!..

Thank you, sir!..»

---

[36] Примечания: 36

То есть на неопределенно долгое время. Граф Парижский — титул последних представителей боковой ветви Бурбонов, считавшихся среди роялистов претендентами на французский престол после Реставрации.

Он скрылся за какой-то потайной дверцей, а мы пошли следом за группой.

Эти дурни были в полном восхищении.

В ожидании брата мы выкурили по сигаретке.

Бледнолицый юноша запихивал в покоробленный панцирь мальчишек, совал им в руки выбранное оружие и щелкал своим «Полароидом».

Один снимок — два евро.

«Джордан, осторожно, не выколи глаз сестре!»

Фотограф — то ли супердзен, то ли суперобдолбыш, то ли суперкрейзи — двигался как во сне и выглядел полным коматозником. Маисовая самокрутка в углу рта, бейсболка Chicago Bulls козырьком назад — в общем, тот еще типчик! В духе *фантазий от пентюхов..?*[37]

«Джордан! Немедленно положи эту штуку на место!!!»

Наконец посетители удалились. Коматозник взял грабли и поплелся в сад, домусоливая свой бычок.

Мы уже забеспокоились: соблаговолит ли юный

---

[37] Примечания: 37

«Фантазии от пентюхов» («Fantasia chez les ploucs») — комедия французского режиссера Ж. Пиреса (1971) с Лино Вентурой и Мирей Дарк в главных ролях.

барон де ла Ларьотин появиться перед нами?

Я все еще твердила, качая головой: «Это глюки… Этого просто не может быть!.. Это точно глюки…»

Симон тем временем изучал устройство подъемного моста, а Лола подправляла плеть вьющейся розы.

Наконец вышел улыбающийся Венсан. Теперь на нем были мятые черные джинсы и майка с принтом Sundyata.

— Эй, как вас угораздило сюда заехать?

— Да вот соскучились по тебе…

— Правда? Приятно слышать.

— Все в порядке?

— Более чем. Но… вы разве не должны быть сегодня на свадьбе Юбера?

— Должны, но мы слегка заблудились.

— Ясно… Это здорово!

Очень похоже на Венсана. Неизменно спокойный, неизменно учтивый. Совершенно не взволнованный нашим приездом и все-таки ужасно довольный.

Наш лунный Пьеро, наш Марсианин, наш младший братишка, наш любимый Венсан.

Нет, это и правда здорово!

— Ну-с, теперь скажите, что вы думаете о моем скромном пристанище? — спросил он, обводя широким жестом замок и парк.

— Сначала ты нам скажи, что значит весь этот бред? — потребовала я.

— Какой бред? Моя экскурсия, что ли? О… это вовсе не бред. Красотка Изора существовала на самом деле, просто… Ну, в общем, я не очень-то уверен, что она жила именно здесь… Судя по архивным записям, она скорее обитала в соседнем замке, но поскольку он сгорел… Должен же я был приютить где-то бедняжку, разве не так?

— Может, и так, но откуда эти россказни о предках и прочая туфта, которую мы только что слышали? И твои аристократические замашки?

— Ах, это? Ну поставьте себя на мое место! Я приехал в начале мая, чтобы отработать один туристический сезон. Старуха сказала, что едет на лечение и заплатит мне за первый месяц, когда вернется. С тех пор — никаких известий. На дворе уже август, а я так ничего и не увидел. Ни хозяйки замка, ни денежного перевода, ни-че-го! А кушать-то хочется! Вот я и придумал всю эту хренотень. Живу только на чаевые, а чаевые — они ведь с неба не сыплются. Люди хотят получить побольше за свои денежки, а здесь, как

изволите видеть, отнюдь не Диснейленд… Вот почему малыш Венсан каждый день облекается в свой блейзер, сажает на палец фамильный перстень и всходит на крепостную стену в ожидании туристов!

— С ума сойти!

— Что делать, сударыня, жить как-то надо!

— А кто этот тип?

— Это Ноно. Ему платит коммуна.

— А он… Он… у него с мозгами все в порядке?

Венсан старательно скручивал сигарету.

— Почем я знаю! Мне только известно, что это Ноно. Если ты понимаешь, что такое Ноно, то и ладно, а если нет, плохо твое дело[38].

— И как же ты проводишь тут время?

— По утрам сплю, днем вожу экскурсии, а ночи посвящаю музыке.

— И где же ты занимаешься музыкой?

— В часовне. Я вам ее покажу… Ну а вы-то как? Что поделываете?

— Мы-то?.. Э-э-э… да ничего. Вот хотели пригласить тебя в ресто…

— Когда? Сегодня вечером?

---

[38] Примечания: 38

Имя Ноно созвучно с французским жаргонным словом «neuneu» (тронутый, ненормальный).

— Ну а когда же еще, умник? Не после же следующего крестового похода!

— Ясно, только сегодня вечером ничего не выйдет… Дело в том, что наш Ноно как раз сегодня выдает замуж племянницу, и я приглашен на свадьбу…

— Да ну! Слушай, если мы тебя задерживаем, ты скажи, не церемонься!

— Ничего подобного! Это как раз здорово, что вы здесь. Сейчас мы это уладим… Эй, Ноно!

Супердзен медленно развернулся на сто восемьдесят градусов.

— Как думаешь, если мой брат и сестры тоже придут вечером, нормально будет?

Коматозник долго осматривал нас, потом спросил:

— Это, что ли, твой братишка?

— Ну да.

— А эти? Твои сестренки?

— Ну да.

— А они еще целки?

— Эй, Ноно, мы сейчас не их обсуждаем! Да говори же, черт возьми… Ты думаешь, они могут прийти вместе со мной?

— Кто — они?

— О господи, он меня с ума сведет, этот тип!..

Да-да, они!

— Прийти — куда?

— На свадьбу Санди!

— Ну ясное дело. Чего тут спрашивать?

И, указав на меня подбородком, он добавил:

— А эта… эта тоже придет?

Оп-па!

Отвяжись, страшила Горлум…[39]

Венсан утомленно вздохнул.

— Он меня когда-нибудь доконает! Недавно он тут отличился: засунул одного мальчишку в панцирь так усердно, что тот застрял намертво, и пришлось вызывать техпомощь… Эй, кончайте зубы скалить, сразу видно, что вам не приходится иметь с ним дело каждый божий день…

— А тогда зачем же ты идешь на свадьбу его племянницы?

— Это без вариантов. Он, знаете ли, крайне обидчив… Да-да, и нечего хихикать, целки вы мои… Скажи, Симон, они всегда такие серьезные, эти двое?.. Кроме того, его мамаша регулярно подкидывает мне всякой вкуснятины. Деревенские паштеты, овощи со своего огорода, колбасы… Если бы не она, я бы давно умер с голоду.

---

[39] Примечания: 39

Горлум (или Смеагорл) — персонаж романов Толкиена.

Нет, это и вправду глюки!

— Ну а пока у меня еще полно дел. Нужно подсчитать выручку, отмыть туалеты, подсобить этому блаженному прочистить аллеи и запереть все двери.

— А их сколько?

— Восемьдесят четыре.

— Давай мы тебе поможем.

— Очень мило с вашей стороны. Возьмите вон там еще одни грабли, а туалеты можно отмыть из шланга…

Мы засучили рукава наших праздничных нарядов и взялись за работу.

#

— Ну, кажется, все в порядке. Искупаться не хотите?

— Где это?

— Там под горкой есть речка…

— А вода в ней чистая? — осведомилась Лола.

— А лисы в нее не мочатся? — добавила я.

— Чего-чего?

Нас с Лолой купание не очень-то прельщало.

— А ты сам туда ходишь?

— Каждый вечер.

— Ладно, тогда и мы с тобой…

Симон и Венсан шли впереди.

— Я тебе привез MC5 на 33 оборота.

— Не может быть!

— Точно говорю.

— Первый выпуск?

— Ну да.

— Ух ты! Как тебе удалось ее раздобыть?

— Да уж постарался, черт возьми, чтобы угодить господину барону!

— Ты купаться будешь?

— Конечно.

— Эй, девчонки, а вы?

— Даже не подумаем — пока в кустах бродит этот маньяк, любитель целок, — шепнула я на ухо Лоле.

— Нет-нет! Мы посидим тут, на вас посмотрим!

— Он где-то близко! — зловеще прошептала я. — Следит за нами из кустов…

Сестра хихикнула.

— Меня точно глючит! Клянусь тебе, мне кажется…

— Да-да, мы уже поняли — тебя глючит. Давай садись.

Лола вытащила из моей сумки купленный на вокзале «Water-Closer» и начала искать наши гороскопы.

— Ты у нас кто — Водолей?

— А? Ты о чем? — спросила я и резко обернулась назад, в надежде испугать онаниста Ноно.

— Эй, ты меня слушаешь?

— Да.

— *Будьте осторожны. В этот период растущей Венеры во Льве с вами все может случиться — случайная встреча, великая Любовь. Тот, кого вы ждали, уже совсем близко. Соберите все свое очарование и сексуальную привлекательность,*

а главное, будьте готовы к любому повороту событий и не упустите свой шанс. Ваш закаленный характер часто оказывал вам дурную услугу. Пора наконец раскрыть романтическую сторону вашей личности.

Эта идиотка умирала со смеху.

— Ноно! Вернись! Она здесь! Она раскроет перед тобой романтическую сто…

Я зажала ей рот рукой.

— Можешь не продолжать, я уверена, что ты все это выдумала.

— Вовсе нет! Смотри сама!

Я вырвала у нее этот мерзкий журнальчик.

— А ну покажи!

— Вот, гляди: *растущая Венера во Льве,* и ничего я не выдумала.

— Ерунда все это!

— Знаешь, на твоем месте я бы все-таки поостереглась…

— Пф-ф! Глупости какие!

— Может, ты и права. Ладно, давай лучше посмотрим, что они пишут про Сен-Тропе…

— Нет, ты только глянь на эту! Ничего себе сиськи… Неужели настоящие?

— М-м-м… Я бы так не сказала.

— А это ты видела?.. А-а-ай! Симон, прекрати

немедленно, или я позвоню твоей жене!

Подбежавшие мальчики встряхнулись, обдав нас холодными брызгами.

Как это мы раньше не остереглись!.. Вернее, не вспомнили!.. Венсан, набрав полный рот воды, помчался за Лолой, которая с воплями удирала прямо через поле, обильно засеивая его на бегу пуговицами с платья.

Я в темпе собрала наши шмотки и поскакала за ними следом, оглашая близлежащие кусты криками «брысь!», «прочь!» и угрожающе выставив вперед «рожки» из указательного пальца и мизинца.

Изыди, Сатана!

Потом Венсан показал нам свои личные апартаменты на хоздворе.

Весьма скромные.

Он вытащил вниз кровать со второго этажа замка, где было слишком жарко, и обустроил себе жилище в конюшнях. Как бы случайно выбрав для него стойло Красавчика.

Между Полькой и Ураганом…

Он разоделся точно английский лорд. Безупречно начищенные туфли. Безупречно белый костюм с заниженной талией, в стиле 70-х. Шелковая

бледно-розовая рубашка с острыми уголками воротника, такими длинными, что они доходили до подмышек. На любом другом этот прикид выглядел бы по-дурацки, на нем же он смотрелся великолепно.

Он пошел к себе за гитарой. Симон вытащил из багажника Каринин свадебный подарок, и мы спустились в деревню.

Вечерний свет был чудо как хорош. Сельская местность в охряных, бронзовых и тускло-золотых тонах отдыхала от долгого жаркого дня. Венсан призвал нас обернуться, чтобы взглянуть издали на его донжон.

Потрясающе!

— Вот вы смеетесь…

— Вовсе нет, вовсе нет, — заверила его Лола, неизменно стремившаяся к Мировой гармонии.

А Симон затянул:

— О мой зааааамок, ты самый прекрасный из зааааамков…

Симон пел, Венсан смеялся, Лола улыбалась. Мы шагали вчетвером, все вместе, посреди шоссе, расплавленного дневным солнцем и ведущего к маленькой деревушке на берегу Эндра.

Воздух был напоен запахами горячего асфальта, мяты и скошенной травы. Коровы глядели

на нас с восхищением, а птицы летели следом, к праздничному столу.

Короткие мгновения сладкого покоя.

Мы с Лолой снова обрядились — она в шляпу, я в сари.

Казалось бы, зачем? Но свадьба есть свадьба.

По крайней мере, именно так мы рассуждали, пока не прибыли по назначению…

Мы вошли в празднично разукрашенный спортзал, где стояла удушливая жара, смешанная с неистребимым запахом пота и грязных носков. Татами были сложены стопкой в углу, а новобрачная сидела под баскетбольной корзиной. Вид у нее был такой, будто она еще не вполне въехала в ситуацию.

Стол с яствами, достойными пиров Астерикса, местное вино и музыка на полную катушку.

Толстая дама, вся в пышных оборках, бросилась навстречу нашему младшему:

— Ах, вот и он! Добро пожаловать, сынок, добро пожаловать! Заходите, заходите, гости дорогие! Ох, до чего же они все красивые! А эта… господи, какая худенькая, бедняжка! Неужто в Париже так плохо кормят? Садитесь сюда, детки, и угощайтесь! Ешьте как следует. На столе всего вдоволь.

Скажите Жерару, пусть нальет вам вина. Жерар! Ну-ка живо сюда, парень!

Венсан никак не мог уклониться от ее поцелуев, а я смотрела и сравнивала. Какой контраст между сердечностью этой незнакомой женщины и учтивым презрением моих старых тетушек сегодня утром. А может, и это глюки?

— Мы хотели бы поздравить новобрачную…

— Вот-вот, идите, поздравьте и заодно поищите там Жерара… Если он уже не нализался и не лежит под столом, негодник эдакий!

— Слушай, а что там у тебя за подарок? — спросила я Симона.

— Да я и сам не знаю.

Мы по очереди расцеловали новобрачную.

Молодой муж, красный как рак, очумело таращился на подарок, который извлекла из бумаги его жена, — шикарное блюдо для сыров, купленное Кариной, — из плексигласа, овальное, с ручками в виде виноградных лоз и виноградными листьями на дне.

В его взгляде читалось сомнение.

Мы сели в конце стола, где нас приняли с распростертыми объятиями двое дядьков, уже

довольно много принявших на грудь.

— Же-рар! Же-рар! Же-рар! Эй, малыши! А ну-ка несите сюда угощение для наших друзей! Жерар! Ну куда он запропастился, мать твою!

Наконец появился виночерпий Жерар со своей бутылью, и празднество началось.

Покончив с маседуаном под майонезом (в раковинах святого Якова), бараниной с жареной картошкой (также под майонезом), козьим сыром (произносится «кузьим») и бело-розовым меренговым тортом (съеденным почти дочиста), гости потеснились, освобождая место для Ги Макру и его замечательного оркестра.

Мы сидели довольные, разомлевшие. Справа от нас новобрачная открыла бал, закружившись в вальсе со своим папашей под аккордеонного Штрауса, слева наши дядьки завели ожесточенную перепалку по поводу нового «кирпича», повешенного у булочной Пидуна.

Все это было прелесть как колоритно.

Нет, более чем колоритно, а главное, менее чопорно — это было смачно!

Ги Макру чем-то походил на Дарио Морено.

Тоненькие подкрашенные усики, сверкающий жилет, дорогие цацки и бархатный голос.

При первых же звуках аккордеона все рванули на танцпол.

Эй, зовите трубача, мы станцуем ча-ча-ча!

Агааа!

Ну-ка, скидывай сабо, мы отпляшем вам мамбо!

Огооо!

— Давайте сюда! Все вместе!

Ля-ля-ля-ля-ля… Ля-ля-ля-ля-ля…

— Я ничего не слышу!

ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ… ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ-ЛЯ…

— Глянь туда, в конец зала! Старушки-то как разошлись! А ну-ка девушки, хором, вместе с нами!

Пам-парарарам-пам-парарарам!

Мы с Лолой отплясывали как бесноватые; мне даже пришлось подтянуть юбку повыше, чтоб не сбиваться с ритма.

Братья, как всегда, не танцевали. Венсан окучивал какую-то девицу с молочно-белой грудью в обширном декольте, а Симон слушал воспоми-

нания соседа-дедка, который рассказывал ему о том, как боролся с филлоксерой, поразившей его виноград.

Затем раздался традиционный клич *«Подвязка! Подвязка! Подвязка!»* в сопровождении столь же традиционных, грубовато-соленых непристойностей. Новобрачную водрузили на стол для пинг-понга… ну а дальнейшее лучше опустить. Хотя, может, я чересчур стыдлива…

Я вышла на воздух. Мне уже слегка не хватало Парижа.

Лола скоро присоединилась ко мне *for ze moonlight*[40] сигаретку.

За ней неотступно следовал какой-то тип довольно липкого вида (весьма волосатый и лоснящийся от пота), непременно желавший повторить свое приглашение на танец.

Пестрая рубашка-гавайка с короткими рукавами, вискозные брюки, белые носки с каемочкой, типа теннисных, и мокасины из плетеной кожи.

Ну просто неотразимый красавец!

И… и… и… ой, чуть не забыла: конечно, черный кожаный жилет с нагрудными карманами! Три

---

[40] Примечания: 40

Здесь: выкурить под луною (буквально: на подлунную) *(искаж. англ.).*

слева и два справа. На поясе нож. Рядом мобильник в чехле. Серьга в ухе. Плюс sun glassizes[41]. Плюс цепочка, соединенная с бумажником. Минус хлыст.

В общем, вылитый Индиана Джонс.

— Ты меня не познакомишь?

— Э-э-э… да… Это… гм… Это моя сестра Гаранс, а это…

— Ты чего… уже подзабыла, как меня кличут?

— Э-э-э… Жан-Пьер?

— Мишель.

— Ну конечно, Мишель! Мишель, это Гаранс. Гаранс, это Мишель.

— Привет, Мишель! — сказала я как можно серьезнее.

— Жан-Мишель. Жан-Мишель — так меня кличут… Запомнить легко: Жан как «жопа», а Мишель — как Мон-Сен-Мишель. Ладно, я на вас не в обиде… Привет! Так вы, стало быть, сестры? Надо же, никогда не скажешь, совсем не похожи… Вы уверены, что ваша мамаша не загляделась разок на почтальона? Ха! Ха! Ха!

Когда он удалился, Лола затрясла головой:

---

[41] Примечания: 41
Солнечные очки *(искаж. англ.).*

— Ой, не могу больше! Вот уж повезло так повезло — чемпион по тупости среди здешних пентюхов! А уж чувство юмора у него, я тебе скажу!.. Такая похабщина — хуже чем по радио! Ну и тип, просто караул!

— Тише, он опять идет.

— Эй, послушай, чего скажу! Ты знаешь анекдот про парня с пятью членами?

— М-м-м… нет. Не имела такого счастья.

— Ну вот, значит, этот парень — у него целых пять членов…

Пауза.

— И что? — спрашиваю я.

— И его трусы сидят на нем как перчатка!

На помощь!

— А про шлюху, которая не сосет?

— Простите?..

— Знаешь, как зовут шлюху, которая не сосет?

Смешнее всего было выражение лица моей сестры. Дело в том, что Лола, с ее винтажными туалетами от Ива Сен-Лорана, остатками былого увлечения классическим танцем, старинной брошью-геммой и гневным неприятием еды на бумажной скатерти, — особа весьма изысканная… И теперь ее потрясенный вид и глаза, круглые и нежно-голубые, как севрские блюд-

ца, говорили о многом… Это было грандиозное зрелище!

— Ну так как?

— Увы, не могу вам сказать. У меня самой, знаете ли, с языком проблемы.

(Молодец Лола — воспитание воспитанием, но язык у нее подвешен как надо! Я ее просто обожаю!)

— Ну вот: такую *ваще* не зовут! Ха! Ха! Ха!

Наш красавец пошел вразнос… Он обернулся ко мне, с шиком сунув большие пальцы в карманчики своего жилета:

— Теперь давай ты! Анекдот про парня, который обматывал своего хомячка скотчем, знаешь?

— Нет. Но мне не хочется его слушать, он наверняка слишком соленый.

— Ага, сталбыть, ты его знаешь?

— Э-э-э… послушай, Жан-Монсенмишель, мне нужно поговорить с сестрой с глазу на глаз, и…

— Ладно, ладно, я сваливаю. Пока, до скорого, писюшки!

— Слава богу, убрался наконец!

— Да, но вместо него сюда идет Тото.

— Это еще кто такой?

Ноно уселся перед нами на стул.

И принялся разглядывать нас, сунув руки в карманы брюк и прилежно почесывая в паху сквозь подкладку.

Прекрасно!

Видимо, новый костюм натирал ему кое-какие нежные места…

Святая Лола послала ему легкую поощрительную улыбочку: мол, давай-давай, не стесняйся!

Типа привет, Ноно! Это мы, твои новые друзья. Добро пожаловать в наши сердца!

— Так вы еще целки? — спросил он.

Нет, решительно, парень зациклился на этой идее… («Ты меня удивляешь!»)

Однако моя улыбчивая сестрица не теряла надежды сменить тему:

— Значит, вы работаете сторожем в замке?

— Заткнись, ты! Я говорю с этой, у которой жирные сиськи.

Да, я знала. Я все знала заранее. Что позже мы над этим посмеемся. Что когда-нибудь мы постареем, и поскольку нашим сексуальным воспитанием никто не занимался всерьез, мы обхохочемся, вспоминая этот вечер. Но сейчас… сейчас мне было совсем не до смеха, потому что наш Ноно пускал слюни с той стороны рта, где

прежде торчал окурок, и эта струйка жирной слюны, которая поблескивала в лунном свете, выглядела довольно угнетающе…

На наше счастье в этот момент подоспели Симон с Венсаном.

— Ну что, уходим?

— Прекрасная мысль!

— Вы идите, а я догоню, только заберу свой doggy bag[42].

Вся моя любо-о-овь только для тебя-а-а…

Все мои слова-а-а только для тебя-а-а…

Голос Ги Макру разносился по всей деревне, и мы приплясывали, пробираясь между машинами.

Все слова любви-и-и-и только для тебя-а-а-а…

— Эй, ты куда нас ведешь?

Венсан обогнул замок и свернул на какую-то темную тропу.

---

[42] Примечания: 42

Doggy bag — коробка с оставшейся едой, которую клиент может унести домой после посещения ресторана *(англ.).* Здесь: остатки свадебного угощения, которые, вероятно, мать Ноно завернула для Венсана.

— Выпьем напоследок. Что-то вроде афтепати, если хотите… Девчонки, вы не устали?

— А Ноно? Он нас не догонит?

— Да нет же… Забудь ты о нем… Ну как, идете?

Это был цыганский табор. Два десятка «караванов» — больших белых фургонов, один длиннее другого, а между ними развешанное белье, перины, велосипеды, ребятишки, тазы, шины, антенны-тарелки, телевизоры, котлы, собаки, куры и даже маленькая черная свинья.

Лола пришла в ужас:

— Уже за полночь, а дети еще не спят! Бедные малыши!

Венсан рассмеялся:

— Посмотри на них — по-моему, они вполне довольны жизнью.

И верно, детишки взапуски носились по лагерю, потом окружили Венсана, дерясь между собой за честь нести его гитару, а девочки взяли за руки нас с Лолой.

Мои браслеты их буквально зачаровали.

— Они едут в Сент-Мари-де-ла-Мер… Надеюсь, успеют свалить отсюда до того, как старуха вернется в свой замок, — ведь это я разрешил им стоять здесь табором…

— Прямо как капитан Хэддок в «Драгоценностях Кастафьоре»[43], — хихикнул Симон.

Старый величественный цыган раскрыл Венсану объятия:

— Добро пожаловать, сын мой!

Вот, значит, где наш дорогой братец обрел новую семью, причем уж какую по счету! Неудивительно, что он теперь игнорирует нашу.

Ну а потом все было как в фильмах Кустурицы — до того, как он возомнил себя гением.

Старые цыгане пели песни такие печальные, что хоть вешайся, прямо все внутри переворачивалось; молодые отбивали ритм, хлопая в ладоши, женщины танцевали вокруг костра. Большинство из них были в теле и одеты черт знает как, но от их движений все вокруг пускалось в пляс.

Детишки по-прежнему сновали между взрослыми, а старухи баюкали младенцев и смотрели телевизор. Почти у всех были золотые зубы, и все улыбались нам во весь рот, чтобы их продемонстрировать.

---

[43] Примечания: 43

21-й альбом из серии комиксов «Приключения Тентена» бельгийского художника Эрже (псевдоним Жоржа Проспера Реми, 1907–1983).

Венсан чувствовал себя здесь как рыба в воде. Прикрыв глаза, он играл на гитаре как всегда… нет, чуть-чуть старательнее, чем всегда, чтобы держать их ритм и дистанцию.

У старых цыган были длинные острые ногти, и их гитары носили шрамы от этих безжалостных когтей.

Брумммм… брумммм… дзыннннь…

Слов мы, конечно, не понимали, но разгадать, о чем поют, было нетрудно…

О моя родина, где ты?

О моя любовь, где ты?

О мой друг, где ты?

О мой сын, где ты?

И дальше примерно так:

Я потерял свою родину, остались лишь воспоминания.

Я потерял свою любовь, остались лишь страдания.

Я потерял своего друга, и вот пою для него.

Старуха поднесла нам выдохшегося пива. Не успевали мы осушать кружки, как она уже та-

щила новые.

У Лолы блестели глаза, она держала на коленях двух девчушек и терлась подбородком об их волосы. Симон с улыбкой взглянул на меня.

Да, с сегодняшнего утра мы с ним проделали длинный путь…

Оп-па! Опять эта веселая бабуля со своим теплым пойлом…

Я знаком спросила Венсана, нет ли у него косячка, и он так же, знаком, дал мне понять, что сейчас не время, попозже… Еще одно отличие, надо же… У этих людей, которые не посылают своих детишек в школу, гноят будущих Моцартов в этой грязи и благополучно обходят наши законы о труде и оседлом образе жизни, оказывается, не принято курить травку.

Святая Мерс-Бенц[44] от такой участи нас избавила.

---

[44] Примечания: 44

Имеется в виду «Мерседес-Бенц»: Мерседес — женское имя (от испанского Maria de las Mercedes), означающее «Мария Милосердная».

#

— Девчонки, вам остается только заночевать в постели Изоры…

— И слушать «хриплые стоны, которые доносятся из бывших темниц»? Нет уж, спасибо!

— Да это же все глупости.

— А твой ненормальный, у которого есть ключи от всех комнат, — тоже глупости? Нет, даже не проси. Мы будем спать только вместе с вами!

— О'кей, о'кей, Гаранс, не надо нервничать.

— А я и не думаю нервничать! Просто я еще целка, представь себе!

Как я ни устала, мне все же удалось их рассмешить. И я этим гордилась.

В результате братья переночевали в стойле Красавчика, а мы — в стойле Урагана.

Разбудил нас Симон, который успел сбегать в деревню и купить круассаны.

— У Пидула? — зевая, спросила я.

— У ПидуНа.

В тот день Венсан не стал отпирать ворота замка.

«Закрыто из-за опасности падения камней с кровли», — написал он на куске картона.

Потом он показал нам часовню. Они с Ноно перенесли сюда пианино из замка и поставили его прямо перед алтарем, так что все ангелы небесные могли теперь дружно отплясывать тут свинг.

Нас тоже угостили маленьким концертом.

Забавно было очутиться в этой часовне воскресным утром. Чинно сидеть на низких скамеечках для коленопреклонений, в пестрых лучах витражей, и сосредоточенно слушать новую версию «Toque, toque, toque on heaven's door…»[45].

Лола непременно хотела осмотреть замок сверху донизу. Я попросила Венсана повторить вчерашнюю экскурсию. Слушая его, мы умирали от хохота.

Он показал нам всё: комнаты, где жила хозяйка замка, ее очки в футлярах, ее дырявый стул, ее мышеловки, ее рецепты мазей из жира нутрии,

---

[45] Примечания: 45

«Тук-тук-тук в небесные врата» *(смесь фр. и англ.)* — песня Стивена Хилла.

ее бутылку спиртного и «Светский Боттен»[46], зачитанный до дыр. Затем кладовые, винный погреб, хозяйственные пристройки, кладовую для конской сбруи, охотничий домик и старинную дозорную тропу.

Симон восхищался изобретательностью архитекторов и инженеров-фортификаторов. Лола собирала травы для гербария.

Я сидела на каменной скамье и глядела на них троих.

Братья стояли над крепостным рвом, облокотившись на парапет… Симон наверняка жалел, что при нем нет его последней роскошной радиоуправляемой модели… Ах, если бы Сиссэл Дабл-Ю был здесь… Венсан, видимо, угадал его мысли, потому что сказал:

— Забудь о своих корабликах… Там во рву водятся гигантские карпы, настоящие акулы. Они бы твои модельки слопали на раз…

— Да ладно!

Венсан промолчал, задумчиво поглаживая замшелые камни ограждения.

— Ну и что ж, — прошептал наконец наш ка-

[46] Примечания: 46

Боттен (Bottin) — справочник дворянских (а теперь и богатых буржуазных) семейств Франции.

питан Ахав[47], — так было бы даже интереснее… Хорошо бы приехать сюда еще разок, вместе с Лео… И пусть бы твои рыбины сожрали игрушечные кораблики, к которым я его до сих пор не подпускал, — это было бы наше самое веселое приключение…

Продолжения я не услышала, только увидела, как они ударили по рукам, словно заключили удачную сделку.

А Лола тем временем рисовала, опустившись на колени среди маргариток и душистого горошка… Спина моей сестры, шляпа с широкими полями и белые мотыльки, рискнувшие совершить на них посадку; волосы, скрученные узлом на затылке, с воткнутым в них карандашом вместо заколки; плечи и руки, исхудавшие от перипетий недавнего развода; подол майки, который она оттягивала вниз, вытирая об него кисточку… До чего же хороша была эта мягкая белая палитра, которая постепенно расцвечивалась нежными акварельными красками…

Никогда еще я так сильно не жалела, что забыла дома фотоаппарат.

---

[47] Примечания: 47

Капитан Ахав — герой романа Г. Мелвилла «Моби Дик», всю жизнь плавающий по морям в поисках загадочного белого кита.

Я вдруг обнаружила, что у меня глаза на мокром месте — наверное, это объяснялось усталостью. И еще огромной нежностью к этим троим и смутным ощущением, что мы наслаждаемся последними минутами нашего веселого детства…

Скоро тридцать лет, как мои братья и сестра украшают мою жизнь. Что было бы со мной без них?! И когда жизнь окончательно разведет нас в разные стороны?!

Ибо так оно и бывает. Ибо время неизбежно разводит любящих, и ничто не вечно под луной.

То, что мы испытали за эти полтора дня, называлось загулом, и мы, все четверо, понимали это. Короткая передышка, глоток свободы, нечаянная радость. Несколько часов, украденных у постоянных спутников нашей жизни…

Долго ли мы еще сможем вот так вырываться из повседневного бытия, чтобы «выстроить стенку» из четырех игроков? Сколько таких увольнительных еще подарит нам судьба? Сколько раз еще позволит нам показать ей нос, обжулить ее? И как мы все-таки потеряем друг друга, как оборвется наша связь?

И сколько лет нам еще осталось до старости?

Я уверена, что в тот миг мы все думали именно

об этом. Я ведь хорошо нас изучила, всех четверых.

Стыдливость мешала нам говорить об этом вслух, но в ту минуту, стоя на перепутье наших дорог, мы уже все знали.

Знали, что доживаем у подножия этого разрушенного замка последние мгновения детства и что скоро пора будет менять кожу. Что скоро придется забыть наше духовное родство, нашу взаимную нежность и эту чуть грубоватую любовь друг к другу. Забыть, оставить позади. Разжать руки и повзрослеть наконец.

Да, пришла пора братцам Далтонам[48] разбежаться в разные стороны в лучах заходящего солнца…

Я, дуреха, почти уже заплакала над собой, как вдруг увидала вдали на дороге нечто…

Что это там такое?

Я встала и пригляделась, сощурив глаза.

Какое-то мелкое существо тяжело тащилось в мою сторону.

Кто же это, раненая зверюшка?

А может, лиса?

---

[48] Примечания: 48

Отсылка к американскому комическому вестерну «Далтоны» (реж. Ф. Хайм) о четырех братьях, совершавших нелепые эскапады.

Лиса с целым флаконом мочи, подосланная Кариной?

Или кролик?

Нет, это была собака.

Невероятно!

Тот самый пес, которого вчера я заметила из машины и который скрылся из виду далеко позади.

Пес, с которым я встретилась взглядом в сотне километров отсюда.

Да нет, не может быть… А что, если…

О господи, не хватало мне еще вступить в общество «Тридцати миллионов друзей животных»!

Присев на корточки, я протянула к нему руку. У него даже не было сил вильнуть хвостом. Он сделал еще пару шагов и рухнул к моим ногам.

На несколько секунд я застыла, чувствуя комок в горле.

Прийти, чтобы умереть у моих ног…

Но нет, мгновение спустя он еле слышно заскулил, пытаясь облизать себе лапу. Лапа была окровавлена.

Подошедшая Лола спросила:

— Откуда взялась эта собака?

Я подняла голову и хрипло ответила:

— Еще один глюк…

Мы, все четверо, принялись ухаживать за раненым. Венсан побежал за водой, Лола приготовила ему еду, а Симон стащил подушку из желтой гостиной замка.

Пес одним глотком втянул в себя всю воду и завалился в пыль. Мы перенесли его в тень.

Сумасшедшая какая-то история…

Приготовив себе закусь, мы спустились к реке.

У меня сжималось горло при мысли, что по возвращении мы найдем собаку сдохшей. Хотя что же… По крайней мере, для смерти этот пес выбрал вполне живописное место… Да и плакучие ивы тут рядом…

Мальчики засунули бутылки в воду, между камнями, мы с Лолой расстелили одеяло, все уселись. И тут Венсан сказал:

— Глядите-ка, вот он…

Пес опять подполз ко мне. Прижался к моей ноге и тотчас заснул.

— По-моему, он тебе на что-то намекает, — сказал Симон.

Они смеялись, все трое, поддразнивая меня:

— Эй, Гаранс, кончай хмуриться! Он тебя полю-

бил, вот и все. Ну-ка давай… чи-и-из!.. Это не так уж страшно.

— Да что мне делать с этой псиной? Вы представляете, как я буду держать ее в своей студии на седьмом этаже без лифта?

— От судьбы не уйдешь, — заявила Лола, — ты вспомни свой гороскоп: это *период растущей Венеры во Льве,* так что смирись!.. Вот она — великая встреча, к которой ты должна была приготовиться. Я ведь тебя предупреждала…

Они веселились от души.

— Считай это знаком судьбы, — сказал Симон. — Этот пес явился, чтобы спасти тебя…

— …чтобы ты начала вести здоровый и уравновешенный образ жизни, — подхватила Лола.

— …чтобы ты вставала рано утром и шла его выгуливать, — добавил Симон. — Чтобы ты купила себе треники для бега трусцой и ездила на природу каждый уик-энд.

— …чтобы ты жила по расписанию и чувствовала ответственность за кого-то другого, — завершил Венсан.

Я была сражена наповал.

— Ой, только не бег трусцой, только не это, черт возьми!..

Венсан, который откупоривал вино, вдруг

сказал:

— А он, вообще-то, симпатяга.

Увы, я тоже так думала. Шелудивая, ободранная, грязная дворняжка, вся в коросте, но… симпатяга.

— После всего, что она совершила, чтобы найти тебя, надеюсь, у тебя хватит совести не бросить ее? Надеюсь, что хватит.

Я нагнулась и стала рассматривать пса. Воняло от него все-таки довольно сильно…

— Может, отвезешь его в SPA?[49]

— Хм… А почему я? По-моему, мы нашли его вместе.

— Да ты посмотри, — воскликнула Лола, — он же тебе улыбается!

Проклятие! И верно: пес поднял голову и преданно посмотрел мне в глаза, слабо повиливая хвостом.

Господи, ну почему? Почему именно я? И разве он поместится в багажной корзинке моего велика? И разве консьержка, которая и без того меня не жалует, согласится?..

И чем их кормят?

И сколько лет они живут?

---

[49] Примечания: 49

SPA (Société protectrice des animaux) — общество защиты животных.

Так значит, пора запастись пакетами для сбора какашек? А еще поводок с автоблокировкой! А еще идиотские беседы с соседями, которые выходят погулять со своими любимцами после вечернего сериала! А еще автоматы с пакетами «Чистый город».

Боже, за что?!

Молодое вино приятно холодило рот. Мы закусили свиными колбасками, умяли бутерброды со свиным паштетом, пухлые, как перина, посмаковали теплые сахаристые помидоры, потом серые пирамидки козьего сыра, а на десерт — садовые груши.

Нам было хорошо. Рядом журчала вода, в ветвях деревьев шнырял ветер и щебетали пташки. Солнце играло с рекой, разбрасывая по ней золотистые блики; оно то скрывалось за облаками, то пронизывало их насквозь и бегало зайчиками по прибрежной траве. Мой пес грезил во сне о своей будущей парижской жизни, поскуливая от счастья, а мухи не давали нам покоя.

Мы разговаривали о том же, о чем говорили и в десять, и в пятнадцать, и в двадцать лет, а именно: о прочитанных книгах, об увиденных фильмах, об услышанной музыке, о разведанных

сайтах. О «Галлике» и всех ее сокровищах[50], о музыкантах, которыми мы бредили, о билетах на поезда и на концерты, о которых мечтали, о школьных прогулах и справках от родителей, о которых только могли мечтать, о выставках, на которые не попадем в силу обстоятельств, о наших друзьях, о друзьях наших друзей и о любовных романах, которые выпали — или не выпали — на нашу долю. Конечно, чаще нет, чем да, и именно поэтому нам не было равных. Я хочу сказать, в искусстве повествования о них. Развалившись на травке, где нас осаждали, кусали и жалили легионы всяких ползучих и летучих козявок, мы потешались над самими собой, не переставая хохотать и рискуя заполучить солнечный удар.

А потом разговор зашел о наших родителях. Мама и Старик… мы неизменно приходили к этой теме. Обсуждали новую жизнь каждого из них. Их романы и наше будущее. Короче, те осколки прежней жизни и тех немногих людей, которые заполняли наше существование.

Не сказать, чтобы это было так уж важно и что

---

[50] Примечания: 50

Галлика (Gallica) — интернет-отдел Национальной библиотеки Франции.

таких людей было так уж много… но эту беседу можно было вести до бесконечности.

Симон и Лола рассказали нам о своих детях. Об их успехах, глупых выходках и забавных фразах, которые следовало, конечно, где-нибудь записать, чтобы спасти от забвения. Венсан долго делился с нами размышлениями о своей музыке: стоит ли ему продолжать? И где? И как? И с кем? И в надежде на что? Я объявила им о своем новом сожителе, у которого, в отличие от прежнего, были документы — да-да! — и рассказала о своей работе, о том, как мне трудно представить себя в роли праведного судьи. Столько лет учиться и так мало верить в себя после всего этого — ну не печально ли?!

А может, я пропустила нужный поворот? Может, где-то ошиблась, пошла не в ту сторону? И ждет ли меня еще кто-нибудь где-нибудь? Но трое других принялись меня подбадривать, заставили встряхнуться, и я сделала вид, что прониклась их энтузиазмом.

Впрочем, растормошив друг друга и немножко встряхнувшись, все мы сделали вид, что полны энтузиазма.

Поскольку жизнь, что ни говори, всегда ведь немножко блеф, разве не так?

Слишком короток этот игровой стол, и слишком многим не хватает фишек. И слишком плохи карты у нас на руках, чтобы успешно продолжать игру… Мы, все четверо, с нашими великими мечтами и квартплатой по пятым числам каждого месяца, давно уже с этим смирились.

А потому и откупорили вторую бутылку — для храбрости!

Венсан развлек нас, поведав о своих недавних любовных горестях:

— Нет, вы поставьте себя на мое место! Я ухаживал за этой девушкой целых два месяца, шесть часов ждал ее возле факультета, трижды водил в ресторан, раз двадцать провожал до общежития, где-то у черта на рогах, пригласил в Оперу — между прочим, по сто десять евро за билет, будь все проклято!

— Неужели между вами так ничего и не было?

— Ровно ничего! Nada![51] Que pouic![52] Двести двадцать евро псу под хвост! Нет, будь все проклято!.. Представляете, сколько дисков я мог бы купить на эти деньги?

---

[51] Примечания: 51
Nada — ничего *(исп.)*.

[52] Примечания: 52
Que pouic (правильно que couic) — ни фига! *(жарг. фр.)*

— Ну знаешь ли, ухажер, который пускается в такие мелочные расчеты… Признаться, я ее понимаю! — презрительно бросила Лола.

— Слушай, а ты… ты хоть раз пробовал ее поцеловать? — спросила я с невинным видом.

— Нет. Не посмел. В общем, вел себя дурак дураком…

Мы потешались, как в старину во время наших вечерних сборищ.

— Я знаю, что слишком робок… Конечно, это идиотство…

— А зовут-то ее как?

— Ева.

— И откуда она родом?

— Понятия не имею. Она что-то говорила на этот счет, но я не очень понял…

— Ясно… И как же… Ты сам-то как думаешь, есть у тебя шансы?

— Трудно сказать… Но она показывала мне фотографии своей мамы.

Ну, это уж слишком.

Мы катались по траве от хохота, а наш незадачливый Дон Жуан, набрав камешков, пускал «блины» по воде, да все безуспешно.

— Ой, подари мне вот этот! — умоляюще попросила я.

Лола вырвала листок из своего блокнота для набросков и протянула его мне, воздев глаза к небу.

Как она сумела разглядеть скрытое благородство моей героической дворняги, разомлевшей на солнышке?! И ведь правда: если подумать, этот пес был единственным самцом, который так преданно следовал за мной…

Следующий набросок представлял изумительный пейзаж с замком.

— Это вид со стороны английского парка, — уточнил Венсан.

— Давайте пошлем его Старику и напишем ему пару слов, — предложила наша добрая сестрица Лола.

(Дело в том, что у нашего Старика нет мобильника.) (Кстати говоря, и городского телефона тоже…)

Мы сочли предложение Лолы очень удачным — как, впрочем, всегда принимали в прошлом и всегда готовы были принимать в будущем все ее светлые идеи, — и стройными рядами бросились на приступ, следом за белым плюмажем нашей старшей сестры[53].

---

[53] Примечания: 53

Намек на короля Генриха IV, который специально надевал перед боем шлем с белым плюмажем, чтобы солдаты видели его издали и следовали за ним в атаку.

Эта сценка напоминала возвращение в автобусе из летнего лагеря: листок и перо переходили из рук в руки. Приветствую, люблю, обнимаю, крепко целую, сердечки и прочие глупости.

Однако вот незадача — и в этом был виноват не наш Старик, а исключительно май 68-го: мы не знали, куда его посылать, это письмо.

— По-моему, он сейчас на морских верфях в Брайтоне…

— И вовсе нет, — с усмешкой парировал Венсан, — там слишком холодно! А наш папочка нынче страдает от ревматизма! Скорее всего, он в Валенсии, с Ричардом Лоджем.

— Ты уверен? — удивленно спросила я. — В последний раз, когда я с ним говорила, он собирался в Марсель…

— …

— Ладно, — решительно объявила Лола, — я пока подержу письмо у себя в сумке, и первый из вас, кто нападет на его след, сообщит мне координаты.

Молчание.

Но Венсан взял несколько шумных аккордов, чтобы заглушить его.

В сумке…

Все наши поцелуи, все сердца… как же им будет душно и неуютно взаперти, в соседстве с ключами и чековыми книжками.

Так значит, «под булыжниками мостовой» — ровным счетом ничего нет?[54]

К счастью, рядом со мной был мой пес! Его шерсть кишела блохами, и он прилежно вылизывал свои «бубенцы».

— Чему ты улыбаешься, Гаранс? — громко спросил Симон, стараясь перекричать Венсанов блюз.

— Да ничему. Просто мне, кажется, очень повезло…

Моя сестра снова взялась за краски, мальчики пошли купаться, а я стала разглядывать своего дорогого дружка, который оживал прямо на глазах, пока я подсовывала ему кусочки хлеба с паштетом.

Хлеб он выплевывал, этот паршивец.

— Как ты его назовешь?

— Не знаю.

Именно Лола дала сигнал к отходу. Она боялась опоздать к моменту передачи детей, и мы почувствовали, что она начинает нервничать. Даже

---

[54] Примечания: 54

Перефразированный лозунг майских событий 1968 года «Под булыжниками мостовой — пляж».

больше чем нервничать: она уже тосковала, не находила себе места, улыбалась невпопад.

Венсан вернул мне iPod, который стащил у меня много месяцев назад:

— Держи, я ведь тебе давно обещал эту подборку…

— Ой, вот спасибо! Ты записал туда все, что я люблю?

— Нет, конечно, не все. Но ты увидишь, она все равно недурна.

Мы обнялись на прощание, осыпая друг друга идиотскими шуточками, чтобы не впасть в «сантименты», и нырнули в машину. Симон переехал по мостику через крепостной ров и притормозил. Я высунулась в окошко и крикнула:

— Эй, Красавчик!

— Что?

— У меня тоже есть для тебя подарок!

— Какой?

— Ева.

— Что — Ева?

— Она приедет послезавтра автобусом из Тура.

Он подбежал к машине.

— Как ты сказала? Что это еще за шутки?

— Никакие не шутки. Мы тут ей позвонили, пока ты плавал.

— Да всё вы врете! (Он побелел, как бумага.) Во-первых, откуда вы знаете ее номер?

— Включили твой мобильник и нашли в списке абонентов.

— Неправда!

— Ну конечно, неправда. Мы всё врем. Но ты на всякий случай сходи послезавтра на остановку, мало ли что…

Теперь Венсан побагровел.

— И что вы ей там наговорили?

— Что ты живешь в шикарном замке, что ты сочинил для нее великолепную фортепьянную пьесу, что она обязательно должна ее услышать, потому что ты готов играть для нее в часовне, и это будет *суперромантишно*…

— *Романтишно?* Что это за словцо?

— Это на сербохорватском.

— Я вам не верю.

— Тогда пеняй на себя. Мы скажем Ноно, пусть он ею займется.

— Симон, это правда?

— Понятия не имею, но, зная эту парочку гарпий, скажу, что все возможно.

Теперь Венсан порозовел.

— Нет, вы серьезно? Она что, правда приедет послезавтра?

Симон приготовился отъехать.

— Автобус в восемнадцать сорок! — уточнила Лола.

— Остановка напротив Пидула! — заорала я поверх ее плеча.

Когда Венсан исчез в зеркальце заднего вида, Симон окликнул меня:

— Гаранс!

— Что?

— Не Пидул, а ПидуН!

— Ах да, верно. Прости. Ой, смотрите, Ноно! Симон, сбей его, умоляю!

Мы ждали, когда машина выберется на автостраду, чтобы прослушать подарок Венсана.

Лола наконец решилась спросить у Симона, счастлив ли он.

— Ты спрашиваешь из-за Карины?

— Н-ну… отчасти…

— Знаете, девчонки… Дома она гораздо мягче… Вот при вас она выпускает когти. По-моему, она просто ревнует. Она вас побаивается. Думает, что я вас люблю больше, чем ее и… в общем, вы для нее олицетворяете все то, чего нет в ней самой. Ее сбивает с толку, что вы веселитесь как ненор-

мальные. Вроде тех девушек из Рошфора…[55] Я думаю, она сильно закомплексована. Ей кажется, будто для вас жизнь — это как переменка на школьном дворе и вы по-прежнему остались хулиганками, которые потешаются над такими, как она, отличницами и пай-девочками. Которым только и остается стоять в сторонке и втайне восхищаться вами, хорошенькими, озорными и дружными не разлей вода.

— Эх, знала бы она… — бросила Лола, прислоняясь к окну.

— Да в том-то и дело, что она не знает. Рядом с вами она чувствует себя совершенно чужой, отвергнутой. Конечно, временами с ней бывает трудновато, но все равно я очень рад, что она моя жена… Она мне помогает, толкает меня вперед, заставляет проявлять инициативу. Не будь ее, я бы до сих пор возился со своими кривыми и уравнениями, это уж точно. Жил бы в каморке для прислуги и корпел над квантовой механикой!

И он смолк.

— А потом, она ведь все-таки подарила мне такую замечательную парочку…

---

[55] Примечания: 55

«Девушки из Рошфора» (1966) — фильм французского режиссера Жака Деми о двух веселых и хорошеньких девушках-сестрах, которых сыграли Катрин Денев и ее родная сестра.

Едва мы проехали через пункт уплаты дорожного сбора, я подключила iPod к магнитоле.

— Ну-ка паренек, что ты мне тут поназаписывал?

В машине расцвели доверчивые улыбки. Симон ослабил свой ремень безопасности, чтобы дать побольше места музыкантам, Лола опустила спинку сиденья, и я этим воспользовалась, чтобы прижаться щекой к ее плечу.

Марвин в роли мсье Луаяль[56]: *«Here my Dear… This album is dedicated to you»*. Роскошная версия *Pata Pata* Мириам Макебы[57], от которой просто мороз по коже; *Hungry Heart* из Body Surfing Boss[58] — потому что вот уже пятнадцать лет как при первой же ноте этой песни у нас ноги сами пускались в пляс; далее по списку *The River* — отрада сердца, изголодавшегося по любви; *Beat*

---

[56] Примечания: 56

Марвин Гэй (р. 1939) — американский певец. Мсье Луаяль — имя ведущего цирковые представления, который объявлял номера. Со временем стало нарицательным и здесь упомянуто в качестве «ведущего» данную программу.

[57] Примечания: 57

Мириам Макеба (1932–2008), также известная как Мама Африка, популярная южноафриканская певица, обладатель премии «Грэмми», борец за гражданские права.

[58] Примечания: 58

Эта песня (как и «River», упомянутая ниже) исполнена в данном альбоме американским певцом Брюсом Спрингстином.

It покойного Бэмби[59] — на полную громкость и вперед, лихо лавируя между машин; *Friday I'm in Love* группы The Cure, не иначе как в честь — пардон, я сделаю потише! — нашего прекрасного уик-энда; *Common People* группы Pulp — их песни научили нас английскому в тысячу раз лучше всех преподавателей вместе взятых. Боби Лапуэнт с его жалобным «*Сегодня ты красивей, чем всегда… но твое сердце, твое сердце холоднее льда, а я так в тебя влюблен…»*[60]. Дальше его же «Рыбья мама», а за ней мама Эдди Митчелла: «*Мама-мама, мне только что стукнуло четырнадцать лет… Я тебе обещаю заработать кучу монет…»*[61] Потрясная версия *I Will Survive* из альбома Musica Nuda[62] и еще одна, отчаянно надрывная, *My Funny Valentine* в исполнении

---

[59] Примечания: 59

Имеется в виду Майкл Джексон (1958–2009) и его песня из альбома «Thriller».

[60] Примечания: 60

Боби Лапуэнт (1922–1972) — французский певец. Песня — «Ça va… ça vient».

[61] Примечания: 61

Эдди Митчелл (р. 1942) — французский певец и актер. Песня — «M'man».

[62] Примечания: 62

Первый альбом дуэта Петры Магони (голос) и Ферруччо Спинетти (контрабас) (2003).

Анжелы МакКласки[63]. И здесь же *Don't Explain,* от которой разнюнился бы любой, самый крутой бабник. Кристоф[64] в своем атласном жилете и со своей *«Это была dolce vita...».* Виолончель Йо-Йо Ма — из любви к Эннио Морриконе с его иезуитами[65]; Вулси, который смывается из Гримо[66], и Дилан с его настырным *I want you,* обращенным к нам, двум сестрам, почти целкам. *«Заза, от тебя воняет, но твой вид меня пленяет...»* — клянусь, я отдала бы все на свете, чтобы усесться на колени к Томасу Ферсену!.. Не забыть бы еще его «Чемодан» и *«Идем туда, куда судьба зовет; идем, Жермена, идем вперед!»*[67]*. «Love me or leave me»,* — заклинает Нина Симон[68], а я тем временем вижу, что Лола сморкается... Ай-ай-ай... Но Венсану не нравится, когда его

---

[63] Примечания: 63

Анжела МакКласки — современная американская певица и композитор шотландского происхождения.

[64] Примечания: 64

Настоящее имя Даниэль Бевилаква (р. 1945) — французский певец.

[65] Примечания: 65

Йо-Йо Ма (р. 1955) — американский виолончелист, композитор и педагог китайского происхождения. Эннио Морриконе (р. 1928) — итальянский композитор, написавший музыку к более чем 400 фильмам. Здесь речь идет о фильме «Миссия» (2009), в котором фигурируют отцы-иезуиты.

[66] Примечания: 66

Лоран (Люсьен) Вулси (р. 1948) — французский композитор и певец. Здесь его песня «Гримо» (о городке на средиземноморском побережье,

рядом с Сен-Тропе).

[67] Примечания: 67

Томас Ферсен (р. 1963) — французский певец и композитор. Здесь упомянуты три его песни: «Zaza», где Ферсен поет о своей собаке; «Embarque dans ma valise» («Мой старый чемодан») и «Germaine» («Жермена»).

[68] Примечания: 68

Нина Симон (1933–2003) — легендарная американская певица, пианистка, композитор и аранжировщик.

сестра грустит, и поэтому он тут же оглушает ее фальцетом Гольдмана, чтобы взбодрить: *«Такова любовь, и тут ничего не попишешь»*[69]. Монтан поет в честь Полетты[70], а Башунг — в честь Башунга: *«Из часа в час… пчеловод угасает…»*[71] «Новобрачная» Паташу[72] и *Le petit bal perdu* фальшивого простака[73]. Бьорк, которая орет, что вокруг слишком тихо, *Nisi Dominus* Вивальди в честь Камиллы[74] и песня Нила Хэннона, которого так любила Матильда[75]. Кэтлин Ферриер[76] с Малером; Гленн Гульд[77] с Бахом; *Rostro*[78] с его вечным покоем. Нежная песенка Анри Сальвадора[79], которую нам пела мама, а мы слушали, посасывая в полусне большие пальцы. Далида: *«Ему било восемнадцат, он бил красив, как херувим…»*[80] Саундтрек к фильму «Только не в

---

[69] Примечания: 69

Жан-Жак Гольдман (р. 1951) — французский певец польского происхождения. Песня — «L'on n'y peut rien» («Тут ничего не попишешь»).

[70] Примечания: 70

Ив Монтан (1921–1991) — прославленный французский певец-шансонье. Полетта — старушка из романа А. Гавальда «Просто вместе».

[71] Примечания: 71

Ален Башунг (1947–2009) — французский певец, композитор и актер. Песня — «Пчеловод».

[72] Примечания: 72

Паташу (наст. имя Анриетта Рагон, 1918–2009) — эстрадная певица, актриса кино и театра, выступавшая до 90 лет. За заслуги в области искусства награждена в 2009 г. орденом Почетного легиона.

[73] Примечания: 73

Песня на слова известного французского актера Бурвиля (наст, имя Андре Рембур, 1917–1970).

[74] Примечания: 74

Антонио Вивальди (1678–1741) — итальянский композитор. Камилла — персонаж романа А. Гавальда «Просто вместе».

[75] Примечания: 75

Нил Хэннон (р. 1970) — ирландский певец и композитор. Матильда — персонаж романа А. Гавальда «Утешительная партия игры в петанк» (2008).

[76] Примечания: 76

Кэтлин Ферриер (1912–1953) — английская певица-контральто, исполнявшая произведения классического репертуара.

[77] Примечания: 77

Гленн Гульд (1932–1982) — канадский пианист, прославившийся, в частности, исполнением произведений Баха.

[78] Примечания: 78

Имеется в виду песня «El rostro de la muerte» («Лицо смерти») в жанре трэш-метал (2009).

[79] Примечания: 79

Анри Сальвадор (1917–2008) — французский певец, композитор и актер.

[80] Примечания: 80

Далида (наст, имя Йоланда Джильотти, 1933–1987) — французская певица и актриса итальянского происхождения, родившаяся и выросшая в Египте. Песня — «Ему восемнадцать».

губы»[81], который спас мне жизнь, когда жить не хотелось. Барбара с короткой метеосводкой *«Над Нантом дождь»[82];* Луис Мариано, голосящий про солнце над Мехико[83], Пиенг Триджилл[84], без конца повторяющая: «*Close to me*». И я говорю себе: это именно так, именно так, дорогие мои… Элегантность Кола Портера, подчеркнутая Эллой Фицджеральд, и тут же Синди Лаупер[85] — для контраста. *«Oh daddy! Les filles, elles just wanna to have fun!»[86]* — распеваю я во всю глотку, встряхивая свою собаку как плюшевую игрушку, так что на меня дождем сыплются ее блохи.

Ну и куча всего другого… Куча мегаоктетов счастья.

Музыкальные намеки и воспоминания, нестанцованные медляки на неудавшихся вечеринках,

---

[81] Примечания: 81

Фильм французского режиссера Алена Рене (2004).

[82] Примечания: 82

Псевдоним французской певицы Моники Серф (р. 1930). Песня — «Нант».

[83] Примечания: 83

Луис Мариано (наст, имя Мариано Эусебио Гонсалес-и-Гарсия, 1914–1970) — знаменитый испанский тенор. Песня — «Мехико».

[84] Примечания: 84

Пиенг Триджилл (р. 1978) — американская певица и композитор.

[85] Примечания: 85

Кол Портер (1891–1964) — американский композитор и автор текстов песен. Элла Фицджеральд (1917–1996) — американская джазовая

певица. Синди Лаупер (р. 1953) — американская поп-певица.

[86] Примечания: 86

Девушки просто хотят развлечься *(смесь франц. и англ.).*

Miousic wâse maille feurst love (for connoisseurs only)[87], клезмер, мотаун[88], удалая кабацкая музычка, григорианские хоралы, духовой оркестр, церковный орган и совсем уж неожиданно, когда машина жадно заглатывала бензин под натужные всхлипы насоса, Ферре с Арагоном, удивленно вопрошающие: *«Разве так живут люди?»*[89]

Чем больше я слушала, тем труднее мне было сдерживать слезы. Да, конечно, я уже говорила, что сильно устала, но дело заключалось не только в этом, и я чувствовала, как набухает и набухает комок в горле.

Слишком много переживаний выпало мне за этот день. Мой Симон, моя Лола, мой Венсан, пес у меня на коленях (назову-ка я его Глюк!) и вся эта музыка, которая столько лет подряд помогала

---

[87] Примечания: 87

Музыка была моей первой любовью *(англ.).* Только для истинных ценителей *(смесь англ. и старофр.).*

[88] Примечания: 88

Клезмер — популярные еврейские мелодии. Мотаун — популярная танцевальная музыка, соединившая в себе приемы и традиции стилей ритм-энд-блюз, соул и др. Получила свое название от студии звукозаписи «Мотаун».

[89] Примечания: 89

Слова из одноименной поэмы французского писателя и поэта Луи Арагона (1897–1982), положенные на музыку и исполненные французским певцом Лео Ферре (1916–1993).

мне жить…

Где мой платок? Надо срочно высморкаться!

Когда подборка кончилась, я подумала: и слава богу! Но тут раздался голос Венсана (ах, негодник!):

«Ну вот ты и прослушала все мое старье. Концерт окончен. Надеюсь, я ничего не забыл… Хотя нет, погоди, еще один пустячок, на дорожку…»

Это была каверверсия *Hallelujah* Леонарда Коэна в исполнении Джеффа Бакли[90].

При первых же аккордах гитары я прикусила губу и уставилась в потолок, глотая слезы.

Симон повернул зеркальце заднего вида и поймал в нем мое лицо:

— Что с тобой? Неужели загрустила?

— Да нет, — ответила я, стараясь не растечься в лужу, — я очень… очень счастлива.

Остаток дороги мы провели в полном молчании. Каждый из нас «перематывал назад пленку» и думал о завтрашнем дне.

Конец переменке. Вот-вот прозвенит звонок на

---

[90] Примечания: 90

Леонард Коэн (р. 1934) — канадский писатель, поэт и шансонье. Джефф Бакли (1966–1997) — культовый американский рок-вокалист и гитарист. Песня — «Аллилуйя».

урок. Дети, постройтесь парами.

Тишина в классе, пожалуйста.

Тишина, я сказала!

Мы высадили Лолу у Орлеанских ворот, а потом Симон довез меня до самого дома.

Он уже собирался отъехать, когда я тронула его за плечо:

— Погоди минутку, я сейчас…

И рванула к лавке мсье Рашида.

— На, держи, — сказала я, протянув брату пакет риса, — нехорошо забывать о поручениях…

Симон улыбнулся.

Я еще долго видела его поднятую в прощальном приветствии руку, а потом, когда машина свернула за угол, пошла назад к своему любимому бакалейщику, чтобы купить сухой корм и консервы для моего пса.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Но что же делать с этим псом, который появился в жизни Гаранс столь необычным образом: поймал ее взгляд издали, сквозь стекло машины, мчавшейся на вполне приличной скорости, догнал ее, нашел… каким образом? Просто с ума сойти можно, как подумаешь — по запаху, что ли? По составу резиновых покрышек? По слабому отпечатку колес на разогретом асфальте? Разве это возможно? *«Чутье»,* — сказали бы охотники: гончие псы идут не по следу, их ведет *чутье.* Ладно, пусть так, все равно лучшего объяснения нам не найти. Значит, вверившись этому пресловутому чутью, на следующий день, к вечеру, то есть через 21 час, он рухнул к ее ногам, пробежав 80 километров через целый департамент, преодолев множество попутных опасностей, — а теперь не желал больше сдвинуться с места.

Ночной Париж, с его шумными гуляками, неоновыми огнями, мотоциклами, грозно рычащими на красный свет, полицейскими сиренами, уличной толчеей и плюс ко всему пивной банкой, с пьяной неуверенностью катившейся по

тротуару им под ноги, совсем его доконал.

Он был без ошейника и поводка, он дрожал всем телом, трусливо поджав хвост. Присев на корточки, Гаранс пробормотала:

— Ну, начинается, черт тебя подери, только этого не хватало…

Она потянула его за загривок:

— Давай, дружок, пошли, в чем дело-то?

Но пес упирался и не шел, намертво вцепившись когтями в асфальт, — так утопающий держится за спасательный круг.

— Послушай-ка… Мы что, так и будем здесь торчать? — спросила она его на ухо.

Она сидела на корточках посреди тротуара, прижимая к себе несчастную перепуганную псину, и реакция окружающих не заставила себя ждать: добросердечные прохожие боязливо обходили их стороной. Подними она глаза в тот момент, ей стал бы понятен их маневр, не суливший в будущем ничего хорошего; но нет, она смотрела только на собаку, гладя ее по голове и нашептывая в ухо ласковые словечки. Потом расстелила на асфальте свое сари, положила на него пакет с сухим кормом и банку Canigou, связала в узел и взяла своего дружка на руки. Он опустил голову ей на плечо, успокоился и стал слушать ее

рассказ о Париже *by night*[91].

— Ну вот, видишь, это у нас Академия Бильярда[92]. Я тебя поведу туда, если будешь умницей… Правильно, вон там Мулен Руж, а ты, оказывается, зоркий пес, хитрюга… но туда мы не пойдем, это тебе не понравится… А тут у нас Монмартрское кладбище… Как-нибудь вечерком сходим с тобой поклониться Камондо…[93] Да, и еще Оффенбаху… Ты поднимешь ножку над его могилой, и это навеет ему приятные воспоминания о канкане… Что? Сакре-Кёр? О, нет, это не стоит внимания… Разве что прогуляться вокруг, если приспичит… Уф, ну и подъемчик… довольно-таки крутой… А ты тяжеловат, дорогой. Не хочешь ли пройтись пешком?

Нет, он не хотел. Ему и так было хорошо. Как туристу в автобусе — убаюканному ездой, в полудреме и тепле.

Однако их «медовый месяц» кончился у подъ-

---

[91] Примечания: 91
Ночной Париж *(англ.).*

[92] Примечания: 92
Бильярдный клуб на бульваре Клиши.

[93] Примечания: 93
Фамильный склеп графов Камондо, где среди прочих захоронен Ниссим де Камондо, героически погибший на фронте в 1917 г. Музей декоративных искусств 18 века имени Ниссима де Камондо основан его отцом в память о сыне.

езда ее дома. Гаранс посадила его на тротуар в нескольких метрах от двери, тщетно убеждая сходить по нужде перед сном:

— Давай, пописай, — нежно шептала она ему, — ну же… писай скорей!

Она слушала себя, и под звуки этих заискивающих уговоров ее уже начинали всерьез мучить сомнения: господи боже, в какую же передрягу ты опять вляпалась, душа моя! Хотя нет, это все просто от волнения, завтра я встану пораньше… (и снова черная мысль: *пораньше?!* Уфф… да это же сдохнуть легче!) Затем они прошествовали мимо каморки «дежурной», как она себя именовала (а на старом добром французском — просто консьержки), и вот тут-то все и пошло к чертовой матери. Выражение, конечно, не слишком изящное, но судите сами…

В тот момент, когда Гаранс придерживала входную дверь — не дай бог хлопнет и приведет в ярость достопочтенную «дежурную», — пес выскочил у нее из-под ног и рванул к жилищу церберши. Его молодая хозяйка упустила из виду одну мелочь, но он-то мгновенно все учуял: там, в каморке, в теплом гнездышке, лежала крошка-чихуахуа! Лакомый кусочек!

И тут начался такой тарарам, что и собственный

голос не расслышать, остается лишь воспроизвести эту батальную сцену на бумаге: рычание, лай, скулёж, вой, визг, неистовство, атака на дверь, изорванный коврик, завывания в стиле *coyote sound system*, вспыхнувший свет, раздвинутые занавески, испуганное лицо, истерическое тявканье собачонки, консьержка на грани обморока, Гаранс растерянная, Гаранс-укротительница глупого пса, Гаранс, бессильная прекратить переполох, Гаранс, хихикающая втихомолку, Гаранс, смеющаяся в открытую, Гаранс, восторженно смакующая ситуацию. Сколько лет подряд эта стерва, с ее телевизором и мерзкой моськой, отравляла ей жизнь!.. Так что вперед, мой доблестный пес, фас, сожри поскорей эту подлую карлицу! Сожри ее за то, что я уже не могу вернуться в свою жалкую халупу среди ночи в поддатом виде: я, видите ли, путаю выключатели со звонками и блюю в почтовые ящики! (Ну да, было такое… Но всего один раз… Да и то сущие пустяки…) Давай, разорви в клочья эту мелкую доносчицу! Доставь себе удовольствие: лай, рычи сколько влезет, отомсти за меня. Проглоти эту поганку с потрохами и выплюнь ее розовый бантик к моим ногам. Вот так, молодец! Смелей! Это будет роскошно!

— Предупреждаю вас: я сейчас вызову поли-

цию!

Оп-па, от таких доводов быстро трезвеешь…

Не найдясь с ответом, Гаранс раскрутила над головой узел, сделанный из сари, и вмазала им как следует своему дураку-псу. Потом поймала его за хвост и поволокла за собой во двор.

— Ваша собака испоганила мне всю дверь! Предупреждаю вас: либо вы мне возместите убытки, либо я жалобу подам!

Этот последний выпад напомнил Гаранс, что она уже на две недели опоздала с квартирной платой… Не говоря о прочих мелких долгах за то за сё… Н-да, тут ее пыл начал постепенно угасать… К счастью, бодрый вид разорителя, только что оросившего помойные баки мадам Жалобуподам, вернул ей малую толику веры в человечество. И пока пес, гордый своим подвигом, бежал к ней, она вдруг увидела, что он улыбается. Она понятия не имела, что собаки способны так улыбаться, и это зрелище — радостный оскал и сощуренные смеющиеся глаза — было великолепно, просто блеск!

— Нечего так смотреть на меня, наглый фанфаронишка, ты ее даже ни разу не тяпнул… Ладно, давай, иди вперед… Нам еще на седьмой этаж карабкаться, это собьет с тебя спесь…

#

Ну ладно, вчера утром она выскочила отсюда спозаранку, чтобы не заставлять ждать Карину, и все же… Настоящий свинарник… И потом, у нее так тесно… всего пятнадцать квадратных метров… три больших шага вдоль и пять маленьких поперек… А посередине этот неугомонный пес… Н-да…

Он и в самом деле метался по комнате как ненормальный, тщетно пытаясь раздвинуть ее стены своим носом-пуговкой, чтобы поудобнее устроиться на ночлег. Гаранс вспомнился «Мой глупый пес» Джона Фанте[94], и ей вдруг (иди знай почему) ужасно захотелось перечитать эту книжку.

— Да уймись ты!

Она достала тарелку и насыпала ему туда сухой корм, но он только понюхал и отвернулся. Тут она вспомнила, что не запаслась консервным ножом, чтобы вскрыть банку Canigou, и стала проклинать себя за разгильдяйство. Впрочем,

---

[94] Примечания: 94

Фанте Джон (1909–1983) — американский писатель итальянского происхождения.

недолго — ибо срок годности банки истек аж в 2002 году. Она вообще-то не слишком доверяла этим фокусам с датами, но угощать консервами десятилетней давности пса, пусть даже подобранного на обочине, было как-то страшновато, верно? За неимением лучшего она предложила ему булочки DooWap с шоколадной крошкой, которые они и разделили по-братски. Тоже просроченные, но не смертельно.

Потом они вместе устроились на ее кровати. Некоторые люди утверждают, что это крайне вредно в смысле авторитета — позволять братьям нашим меньшим спать вместе с хозяином, существом высшего порядка, но ввиду того, что другого места для ночлега в этой халупе не нашлось, проблема воспитания отпала сама собой. Слава богу, хоть это улажено. Уф!

Денек выдался долгий; она открыла банку пива, бухнулась на постель рядом с псом и, блаженно улыбаясь, начала перебирать события прошедшего уик-энда, как перетасовывают карточную колоду. Королева, принцы и валеты чередой проходили перед ее мысленным взором. Ну и несколько пиковых тузов, как же без них… Хи-хи… Ей захотелось позвонить сестре, чтобы поделиться некоторыми воспоминаниями, но

увы, телефон был выключен за неуплату. Ладно, не страшно, все в жизни бывает.

Душ и туалет находились на лестничной площадке.

— Я недалеко, вернусь минут через десять, о'кей? А ты сиди смирно, ладно?

Он притворился, будто все понял, но стоило ей скрыться из вида, как он завыл во всю глотку. Уууууууу… Уууууууу…

— О, черт, ну что за поганец этот пес! — проклинала она его во время своего (торопливого) омовения под душем. Поспешно завернувшись в махровое (не слишком большое) полотенце, она выскочила в коридор и наткнулась на соседа из комнаты напротив, пожилого субъекта, выходца откуда-то с Балкан, которого давно уже числила в покойниках.

— Что такое! Вы все еще живете… э-э-э… здесь?

Сосед выглядел крайне напуганным. Он указал подбородком на сотрясавшуюся дверь Гаранс, в которую бился изнутри ее новый квартирант.

— О, не беспокойтесь, он очень добрый…

— Кито ето стучать там у тебья винутри?

— Собачка… Очень добрая собачка, не бойтесь ее… Она просто еще не привыкла… А вы-то сами как поживаете? Вас так давно не видно, я даже

заволновалась…

— Моя хорошо знать — правила запрещать собаки жить здесь, в этот дом. Отшень строго запрещать, да!

Ну, здрасьте вам! Гаранс была готова взорваться, как вчера, при встрече с невесткой. Вместо этого она стянула потуже узенькое полотенце, весьма относительно служившее ей прикрытием, и холодно ответила:

— Сейчас я вам скажу, мсье Войтич, что меня убивает… Меня убивает в буквальном смысле — поверьте, это не пустые слова, во мне действительно умирает какая-то частичка души, да-да! — так вот, меня убивает сознание, что при той кошмарной жизни, которую вы прожили из-за нацистов и Тито, из-за всего, о чем вы мне рассказывали — о ваших идиотских религиозных распрях, о смерти родителей и младшего брата, о потере всего имущества, в общем, из-за всех ужасов, выпавших в прошлом на вашу долю, — единственное слово французского языка, которое вы верно произносите, — это «правила»…

Пока она держала перед ним эту пылкую обличительную речь, негодяй-пес за дверью ее комнаты продолжал завывать, создавая для нее звуковой фон на манер античного хора.

— Правила… Господи, как это грустно… Я-то думала, вы ожили, мсье Войтич, но нет, вы безнадежно мертвы. Вы не заслуживаете того, чтобы встретить в коридоре такую красивую девушку, как я. — Вот, глядите!..

И она щедро распахнула свое полотенце, чтобы доконать старика, потом стянула его подмышками еще туже, чем прежде, прошла мимо так близко, что чуть не растрепала усы балканца, и захлопнула за собой дверь. Правда, не слишком свирепо, потому что петли и без того сильно пострадали.

— Заткнись, наконец, паразит несчастный! Ты меня уже достал!..

Пес даже не обиделся на ее грубость, до того был счастлив, что она наконец вернулась к нему.

#

Этой ночью Гаранс Ларьо не спала, она, можно сказать, перерождалась.

Ей было двадцать три года и семь месяцев. Она жила в комнатушке, какие обычно снимают студенты, хотя давно уже нигде не училась. Пока она еще не хвасталась этим обстоятельством, но на факультете ее не видели с незапамятных времен… Она была так называемой «вечной стажеркой» — иными словами, работала задарма и позволяла ездить на себе всем кому не лень. В настоящий момент она служила в некой галерее современного искусства. Звучит гордо, а на деле — то еще дерьмо. Две трети своей жизни она проводила в подвале, пялясь на экран, в окружении всяческой мазни, от которой слезились глаза. Когда она не разбирала архивы (проще говоря, не занималась уборкой), ей приходилось дежурить на вернисажах в роли девочки на побегушках. Ее непосредственный начальник был вполне мил, но не семи пядей во лбу, а командовала ими главная шефиня — тощая дылда, умная, но высокомерная. Или, точнее, *слегка* высокомерная,

то есть с налетом презрения, а хуже этого ничего нет. При каждой встрече эта дама спрашивала, как ее зовут («извини, милочка, но здесь столько стажеров мелькает, разве всех упомнишь…»), и никогда не упускала случая проблеять свою излюбленную цитату: «Подумаешь, кислая обстановка… Это не причина, чтобы строить кислую физиономию!»[95] Ладно, один раз сказала, ну два, ну так уж и быть, три, но сколько можно, тошнит уже! Тьфу!.. В конце концов, когда-нибудь она ей так и отрежет: «Меня уже тошнит от вашего „Северного отеля“!» За работу ей платили талонами на обед и проездным билетом Navigo, но поскольку передвигалась она исключительно пешком или на велосипеде, а талоны на питание ненавидела — они напоминали ей Оккупацию, — то она перепродавала все это девице-официантке из пивной, где сама подхалтуривала по выходным, убирая со столов перед тем, как сесть за покер. В результате от нее не воняло горелым маслом, а

---

[95] Примечания: 95

См. комментарий 31.

31 Примечания: 31

Отсылка к фильму фр. режиссера М. Карне «Северный отель», где героиня (в исполнении актрисы Арлетти) произносит реплику, ставшую поговоркой: «Atmosphère… atmosphère… estce que j'ai une gueule d'atmosphère?» (Подумаешь, кислая обстановка… я же не строю кислую физиономию!).

пахло потом. Вот такой интересный жизненный выбор. Она играла азартно, забывая все на свете, и так уже больше года. Ей всегда везло в карты; вдобавок это было менее утомительно, чем работа в ресторане, даже если и длилось гораздо дольше. Вместо того чтобы вернуть хозяину казенный фартук, составить стулья в зале и уйти домой в два часа ночи, она покидала игорный стол часам к пяти утра, с заплывшими глазами, едким запахом изо рта и взвинченными нервами. Зато возвращение в людском потоке, по парижским предрассветным улицам с лихвой компенсировало все остальное в ее жизни… Всякий раз ей чудилось, будто она неспешно плывет по течению в сторону дома, и иногда ей удавалось сделать по дороге чудесные снимки.

По понедельникам она отсыпалась на рабочем месте. Дремала в своем убогом галерейном подвале, время от времени кликая мышкой, то есть подавая признаки жизни. В общем, она выигрывала вполне достаточно для того, чтобы жить в этом городе, где ничего не давалось даром. Достаточно, чтобы петь, пить и танцевать, а иногда и транжирить, покупая безлимитный абонемент в кино, каталоги понравившихся ей выставок, ранние фрукты или даже какую-нибудь книгу

издательства Steidl[96] — по случаю праздника. Она слишком много пила. Никогда не напивалась до потери сознания, но и по-настоящему трезвой бывала редко. Любовные романы, случавшиеся в ее жизни, нельзя было назвать удачными. Она неизменно влюблялась в милых, но эгоистичных и трусоватых парней. Она… что же еще? Она была разочарована. Впервые в жизни она призналась себе в том, что разочарована. И ей было грустно на себя смотреть: какой жалкий образ!

Жалкий и бесцветный.

Сидя в темноте с широко раскрытыми глазами, она подводила итоги; в ее распоряжении были: 1 кровать, 2 подушки, 1 пуховое одеяло, 3 фотоаппарата, 2 объектива, 5 коробок книг, 2 пары джинсов, 4 белых блузки, купленные на развале, 1 радиоприемник, 1 куртка, 2 пуловера, 3 бюстгальтера, 1 дюжина трусиков, из них 3 приличных, 2 пары Converse[97], 1 пара сапог, 1 щетка для волос, 1 зубная, 1 тюбик пасты, 1 рюкзак, 2 любовника, из коих 1 женатый, 2 банки тунца, 1 пакет риса, 1/2 пачки масла, 1 бутылка оливкового масла, соль,

---

[96] Примечания: 96

Немецкое издательство, специализирующееся на издании дорогих фотоальбомов.

[97] Примечания: 97

Кеды модной марки.

мельница для перца, 1 коробка чая Earl Grey, жидкость для мытья посуды, 1 кусок мыла, 1 флакон шампуня, 2 полотенца, 3 кухонных полотенца, 3 рулона туалетной бумаги, 1 швабра, 1 постер с выставки, посвященной Солу Лейтеру[98], 1 кредитная карта с минусовым балансом, документы — пока еще действительные, 1 карточка медицинского страхования, 1 водительское удостоверение, 1 початая бутылка джина, 4 банки пива, 1 наручные часы, флакончик духов L'Heure Bleue (30 мл), 1 металлический посеребренный чайник с ручкой черного дерева, 1 старинные часы, 1 пакет просроченных булочек DooWap и… гм… У нее не было: подключения к Интернету, паролей, «избранного» и персональных закладок, счета в Paypal[99], странички в Facebook, iPod и iPhone, безлимитных SMS/MMS и кофеварки. Друзей — мало, зато все настоящие — надежные, верные. А еще у нее было два брата. И сестра.

А вот теперь, значит, и собака. Первая. Первое живое существо, за которое она должна нести ответственность. (Вот повезло-то! Приданое —

---

[98] Примечания: 98

Сол Лейтер (р. 1923) — американский фотограф и художник.

[99] Примечания: 99

Крупнейшая электронная платежная система (буквально: «друг, помогающий расплатиться») *(англ.).*

просто супер!)

Она завела будильник на более ранний час, чем обычно, и повернулась лицом к стене.

— Мать честная, да он еще и храпит!.. — таковы были ее последние слова за этот день, подведшие черту под бурным уик-эндом.

#

Гаранс вырвал из сонного забытья не звонок будильника, а ядреный запах собачьих какашек, наваленных рядом с кроватью. Она не стала упрекать пса. Взглянула с постели на пол и смирилась с неизбежным: всё, им нужно переезжать.

Внезапно она ощутила удивительную легкость. Как же это она позабыла — а вот сейчас вдруг вспомнила, — что ей давно уже обрыдла эта конура?! Ни воздуха, ни света, ни воды в комнате. Конечно, смешно было мечтать о более просторной или комфортабельной квартире, но она вполне заслуживает — до чего же удивительное слово, такое непривычное, такое пугающее! — да, заслуживает, как ей казалось, как она надеялась, чего-то более красивого, более уютного, более приветливого. Даже не для глаз, а для души. Для этой части ее существа, которая стоит большего, чем она сама. Улыбаясь, она сгребла экскременты старой выпиской со счета и посмотрела на пса новыми глазами. Из-за него или благодаря ему ей придется наконец взяться за устройство своей жизни. В которой появилась наконец хоть какая-

то определенность.

— Спокойно, только спокойно!

Он проводил ее до сортира «по-турецки» (очко в полу), он же душевая, и караулил у двери, пока она мылась. Затем они пошли на прогулку в сторону метро «Барбес», приветствуя все попутные деревья, отдельные столбы и немалое количество автомобильных колес, после чего позавтракали в кафешке, где Гаранс никогда еще не бывала. (Для любого туриста посещение незнакомого кафе — сущая мелочь, но для местного — поступок серьезный, поскольку первый утренний кофе — это священно, и первая стойка первого за день кафе — это почти храм.) Кофе с молоком был классный, но включенный телевизор все портил. И конечно, она стащила из вазочки кусочек сахара, чтобы угостить своего дружка. А как же иначе! В духе Маленького принца с его розой и прочими историями. Но в тот момент, когда она протянула ему лакомство — этому бездельнику, этому бродяге с лимузенских просторов, гиперактивному, но боязливому, как заяц, — ей пришла в голову нелепая мысль скомандовать ему: «Служи!» Разумеется, она сказала это просто для смеха, ожидая скорее, что он откусит ей палец или в лучшем случае обслюнявит руку, но к ее великому изум-

лению при этом слове он замер, напрягся, широко разинул пасть, сел и величественно подал ей правую лапу.

— Надо же, какой у вас дрессированный пес! — восхитился хозяин. — Браво, браво!

Гаранс в полной растерянности протянула псу кусок сахара, но он продолжал сидеть с раскрытым ртом. Пришлось положить сахар ему на язык, чтобы он наконец сгрыз его, притом весьма деликатно. «Это мне снится!» — подумала она.

— Собачка-то небось цирковая?

— Н-н-нет, — пролепетала она, — это так… сама не знаю, что на него нашло…

— Ну-ну… Эй, Франсина, — окликнул хозяин женщину, возвращавшую бедным мечтателям уже бесполезные лотерейные билеты, — оторвись-ка на пару минут! Иди сюда, глянь на собачку мадемуазель!

И вот ее пес, этот грязный найденыш, это ее почетное завоевание, дал лапу Франсине. Потом Жан-Мишелю, завсегдатаю бара, который никак не мог содрать обертку с сахара — так сильно тряслись у него руки. И одному бедолаге-клиенту, которому нынче утром не повезло с лотереей, зато обломилось хоть такое удовольствие.

Из чего рождается любовь? Из улыбки, из пары

улыбок, из трех кусочков сахара, и вот — бац! — стрела уже вонзилась в сердце. Гаранс явственно ощутила ее острие у себя под ребрами. Она поморщилась и в этот самый миг их общей собачьей жизни поняла, что встретились они не случайно, что гороскопы не всегда врут, что Лола и Симон оказались правы, что пес появился для того, чтобы спасти ее, и они никогда уже больше не расстанутся. Вот так, и не иначе, и это ей очень даже нравилось. Она любила авантюры.

Выйдя из кафе, она спросила пса: «Это правда? Ты на самом деле из цирка?» Увы, ответа она не услышала, потому что он с оглушительным лаем ринулся вперед, в атаку на бедного бульдога, которого вели на поводке-рулетке, и этот поводок тут же стреножил его хозяина.

— Если не способны воспитать собаку, держите ее на привязи! — гавкнул ошарашенный мужчина.

Ладно, ладно…

— Молодец пес! — шепнула она ему.

#

— Ну нет! Даже речи быть не может, чтобы вы держали здесь эту собаку! Прямо вам скажу… вы, видно, совсем с ума сошли! А если сейчас заявится Мари-До? Представьте себе эту картину!

— Да уж, представляю. Хоть одна достойная картина в нашей лавке наконец…

— Ох, Гаранс, уймитесь, прошу вас…

Она прыснула. И верно, глупый ответ, глупее некуда. Ей стало немного стыдно.

— Но знаете, вообще-то он милашка… Он будет сидеть у меня под столом тише воды ниже травы. Смотрите, я даже матрасик ему принесла.

Короче, бессмысленно живописать вам эту сцену а-ля «Папаша Горио», вы и так наверняка угадали, где происходит действие… Ну да, в знаменитой Groutzkoï Gallery или «как отмыть миллионы вонючих нефтедолларов, заставив поверить богатых кретинов вроде вас, что дохлый воробей, покоящийся на наковальне, обложенной настоящими стодолларовыми купюрами, символизирует собой „Бессильный Ужас Угнетенных Народов“» (ей-богу, не придумала — внизу

под инсталляцией так прямо и обозначено!).

— Но как же все другие обходятся, Гаранс? Наверно, оставляют своих питомцев дома… Вот у меня, например, признаюсь вам, есть кошка… ну, в общем… священная бирма[100]; одному богу известно, чего мне это стоит, но я все-таки бросаю бедняжку на произвол ее печальной судьбы каждое ут…

— А я не могу. Я один раз попыталась, но он просто обезумел. Если я уйду без него, он поднимет на ноги весь квартал. Поль, я же вам рассказала, как я его нашла… Неужели это ничего не значит? Постепенно я приучу его вести себя прилично, но пока… пока еще не могу.

Мсье Поль меланхолично кивал, поглаживая рукав своего вельветового пиджака. Он был в крайнем затруднении.

— Ну давайте хотя бы попробуем, Поль! Смотрите, ведь вот сейчас он совершенно спокоен.

— Послушайте, дорогая… Вы же понимаете: если бы все зависело только от меня, я охотно простил бы вам этот маленький… гм… *каприз,* но Мари-До никогда не разрешит держать здесь собаку, и вам это известно так же хорошо, как

---

[100] Примечания: 100

Священная бирма — порода полудлинношерстных кошек с «сиамским» окрасом и голубыми глазами.

и мне.

Будь эта работа хоть чуточку получше, Гаранс боролась бы за пса куда энергичней, но в данном случае игра не стоила свеч. Ничему новому она здесь уже не научится, а кофе, художники и компьютерное кресло были слишком уж отвратны.

— Ох, и вы туда же! Правила есть правила, не правда ли, Поль?

— Простите, не понял.

— Мари-До с языка у вас не сходит… Признайтесь, вы спите и видите, как она хлещет вас кнутом?

— Вы… вы… да что вы себе позволяете?!

— Ну конечно… Я уверена, что, тиская своего жирного кота, вы только и грезите о том, как Мари-До проделывает с вами всякие гнусности… Не стесняйтесь, расскажите! *(Смена тона.)* Ладно, я пошутила. Вы мне до смерти надоели, все как один. Гоните денежки, которые мне причитаются, и я сваливаю.

— Я запрещаю вам говорить со мной таким тоном! И потом, вы не имеете права… Вы подписали договор о стаже, вы обязаны…

Пес, до сих пор сидевший смирно, вероятно, почуял, как накаляется атмосфера в Груцкой-галерее, и начал проявлять легкие признаки

нетерпения.

— Да успокойте свою шавку, наконец!

— Ну-ну, папаша… Гоните бабки! Вот уже год, как я тут на вас вкалываю, отсидела столько сверхурочных часов, что и не счесть, занимаясь всеми этими вашими вшивыми проектами, вшивой рекламой, вшивыми выставками, вшивыми каталогами, годными лишь на подтирку, вшивыми махинациями мелких жуликов… Мне стыдно сюда приходить, для вас искусство — всего лишь средство помогать богатеньким русским отмывать свои нефтерубли и оплачивать ими своих шлюх. Благо они не способны отличить Вермеера от банки йогурта… И плевать я хотела на ваши договора, мне нужны мои 900 евро, и дело с концом!

— Вы прекрасно знаете, что я не *уполномочен* подписывать такие чеки. Мы пришлем вам его на дом.

— Ага, щас! Нет уж, гоните наличные!

— Я даже не подозревал, что вы настолько вульгарны!..

— Да, вот я такая!

— И настолько неблагодарны!..

— Слушай, ты, Ламартин говенный, долго ты еще будешь услаждать меня своими рифмами, а?

Мое «тыканье» разъярило его куда больше, чем все ругательства, намеки на секс, латекс и обман клиентов.

— Ну вот что, мадемуазель: либо вы сейчас же уйдете, либо я вызываю полицию!

— Ага, и вы туда же!.. Нет, ей-богу, это просто мания какая-то! У них, наверно, выделенная линия для идиотов?!

Ладно, остальное рассказывать не буду, хватит и этого, тем более что в результате старик Поль все-таки раскошелился. И даже не из-за пса, который начал подбираться к его вельветовому пиджаку, а из-за жесткого диска. Гаранс пригрозила: либо девять сотен наличкой, либо все их списки клиентов, архивы и бухгалтерия будут стерты к чертовой матери. Она ликовала: здорово же ей удалось *их* поиметь. Притом все по-честному. Ей бы еще пирсинга побольше, и вот вам вылитая Лисбет Саландер[101] (если смотреть издалека).

По пути к выходу ее хулиган-пес слегка заплутал в мире искусства и сожрал принесенного в жертву воробья — символ угнетенных народов. И правильно сделал — больше им не придется

[101] Примечания: 101

Лисбет Саландер — девушка-хакер, главный персонаж трилогии «Миллениум» шведского писателя Стига Ларссона.

страдать.

#

Короткой эйфории хватило только на дорогу от авеню Матиньон до метро «Мироменил», не более, после чего боевой дух в наших войсках пошел на спад. Конечно, это прекрасно — изображать крутых ребят вместе со своим четвероногим Джо Пеши[102], но хорошенького понемножку, мы же все-таки не в кино… Ее карточных выигрышей и девяти сотен, вырванных у Груцких, явно не хватит на аренду трехкомнатной квартирки в бельэтаже… Как только она отдаст долги, в том числе и за жилье, у нее останется ровно на покупку раскладушки, чтобы дежурить ночами под дверью биржи труда.

— Ну, как теперь жить будем, бездельник? Из-за тебя я по уши в дерьме; интересно, на что еще ты годен?

В ответ пес много чего ей сказал, но поскольку она еще не успела как следует проштудировать гав-гав-французский словарь, то смысл его речи

---

[102] Примечания: 102

Джо Пеши (полное имя Джозеф Франческо Делорес Элиот Пеши) (р. 1943) — американский актер, певец и музыкант. Снимался в ролях «крутых» парней.

так и остался загадкой.

— У тебя даже имени нет…

Как можно назвать собаку? Гаранс попыталась вспомнить всех псов, которых любила, пока не встретила этого… Белый клык? Не годится: при чем тут Крайний Север? Гр*о*мит? Нет, тот был чересчур спокойный. Дуг? Эффектно, но все же звучит как-то глуповато… Корнель и Берни? Оба пса были вполне хороши, вот только она не помнила, какой из них лучше. Поппи? Клево! Особенно там, где Поппи подражает старому драндулету — но, увы, ее пес не мог похвалиться носом, достойным этого имени. Может, Ринтин-дамб?[103] Неплохо!.. «Черт возьми, до чего ж ты у нас культурная, душа моя! — хихикнула она. — Просто плакать хочется от умиления!»

Пристыдив себя, она призвала на помощь эрудицию. Конечно, у Рубенса, Джакометти или Элиота Эрвитта тоже были собаки, которых она обожала, но разве вспомнишь, как их звали. Хотя нет, на самом деле ее любимчиком был пес Ум-

[103] Примечания: 103

Все собаки, упомянутые выше, фигурировали в кинофильмах, книгах, комиксах и мультфильмах.

берто Д. в фильме Витторио де Сики[104]. Который тоже умел «служить» и держал шляпу своего хозяина, когда тот тайком просил милостыню. Ах, какой чудный фильм!.. И какой же там чудный терьер!.. Только как же его звали? Вот незадача: будь у нее телефон, подключенный к Интернету, как у всего окружающего стада, она бы знала такие вещи! Но увы, ничего такого у нее не было; впрочем, она даже не успела поразмыслить над этим, ибо пес неожиданно шмыгнул в заднюю дверь забегаловки «Кебаб».

Вот балда! А кстати, не назвать ли его Балдой — совсем недурно.

Как бы не так! Ему удалось слямзить у них немножко холодной картошки-фри и при этом не дать сделать из себя шаурму, — сразу видно, этот ворюга далеко не глуп… Хотя надо сказать, в данный момент, когда с его слюнявой пасти свисали три картофельных «соломки», вид у него был самый что ни на есть дурацкий.

— А ну-ка, покажи еще разок, как ты служишь…

Оп-ля! Мгновенная метаморфоза: хвост застыл, морда окаменела, картошка отвалилась, голова

---

[104] Примечания: 104

«Умберто Д.» — черно-белый фильм о человеке, вышедшем на пенсию и впавшем в нищету (реж. Витторио де Сика, 1952).

поднята, правая передняя лапа протянута вперед. Гаранс пришла в полный восторг. Наклонившись, она чмокнула когтистую лапу и призналась:

— Я тебя обожаю. Ты — мой прекрасный принц.

И тут же, оглядевшись, воскликнула:

— Где это мы с тобой? На Мадридской улице?.. Значит, ты мой Мадридский принц! Как Луис Мариано…[105] Ну конечно, вылитый портрет!.. Та же белая манишка, тот же бархатный взгляд, те же охи-вздохи… К тому же, мне кажется, Мариано был в подборке Венсана… А зажигательные шансонетки действуют на нас не хуже антидепрессантов… Ну, что скажешь, такое имя тебя устроит?

Луис Мариано вроде бы ничего не имел против. Лишь бы ему разрешили подобрать упавшие кусочки картошки.

Луис Мариано… Черт знает что такое!..

— Ладно, хватит! — взъярилась Гаранс. — Какая разница, если вся моя жизнь, с начала до конца,

---

[105] Примечания: 105

«Принц Мадрида» — название музыкального фильма (1967), где пел Луис Мариано (см. комментарий [83]).

83 Примечания: 83

Луис Мариано (наст, имя Мариано Эусебио Гонсалес-и-Гарсия, 1914–1970) — знаменитый испанский тенор. Песня — «Мехико».

черт знает что такое… Жилья больше нет, работы нет, денег нет, будущего нет… *«Ах, как чудееесно!»* — наверно, так он проворковал бы своим сладким тенорком…

«Вся жизнь перед на-а-ами! — заголосила она, вытанцовывая вокруг своего спутника, отнюдь не похожего на королевского спаниеля. — *Он сжимает вам ру-у-ку… ах, как чудееесно, тра-ля-ля, тра-ля-ля!..»* Пес веселился от души, не мог устоять на месте — ни дать ни взять лабрадор, гоняющийся за утками в болотах Солони. Он прыгал как сумасшедший, вертелся вокруг своей оси и подтявкивал ей в такт.

«Уехать вдаааль… медовый месяц на Куууба… ах, как чудееесно, тра-ля-ля, тра-ля-ля…

О, ночь любвиии, что длится вееечно… ах, как чудееесно, тра-ля-ля, тра-ля-ля!»

Эту музыкальную интерлюдию прервала вибрация ее мобильника. «Ну надо же, — подумала она, взглянув на экранчик, — это называется: помяните ночь любви, и она уж тут как тут…»

Разговор, состоявшийся в Париже, на скрещении Мадридской и Римской улиц, длился 03 минуты 27 секунд (согласно показаниям телефона) и окончился словами: «Ладно, хорошо, ну пока…» и, скорее всего, не войдет в анналы

любовных речей. В двух словах — я постараюсь быть краткой: у женатого человека неожиданно образовалось «окно» в делах, совсем небольшое, порядка двух часов… да, именно так, и вот он подумал: а не совпадает ли, по какой-нибудь счастливой случайности, этот свободный промежуток с таким же свободным промежутком в ее делах? Ну что тут сказать: вопрос упирался не столько в моральные соображения (Гаранс так часто приходилось сносить от него подобные обиды, что одним унижением больше, одним меньше — не суть), сколько в тот факт, что в данную минуту ей ужасно хотелось обсудить с кем-нибудь свою жизнь, поделиться своими экзистенциальными сомнениями, а не трахаться. Вдобавок, даже если бы такое желание у нее и возникло, сама мысль о том, как ей разделить свои пятнадцать квадратных метров с этим кобелиной и своим Луисом, внушала ей, прямо скажем, самые пессимистические прогнозы относительно продолжения их любовного романа. Она отнюдь не была ханжой, но подобное отсутствие интима — она ясно это предчувствовала — грозило сильно омрачить эту встречу. И потому дала ему понять, что — нет, в данный момент она не горит энтузиазмом. Ну а третьим камнем преткновения стало то, что

он, ее «предмет», вовсе не собирался обсуждать с ней ее жизнь (и его легко понять, для этого у него имелась жена); в результате их разговор вылился в бессмысленный, вялый диалог — слишком банальный, чтобы опускаться до его пересказа, типа: тебя интересует только постель… ну да… да нет… ну да… да нет… ну да… да нет… — завершившийся нежным и окончательным прощанием.

#

Теперь они шли по виадуку, опоясавшему железнодорожные пути вокзала Сен-Лазар. Они больше не пели. Больше не плясали. Они приуныли. То есть это Гаранс приуныла, а Луис Мариано утихомирился. Она не остановилась посмотреть на поезда, уходящие вдаль, как в одном клипе с песенкой из восьмидесятых годов, но не выдержала и поведала ему, и громко и шепотом, всё, что лежало у нее на сердце:

— Я тебя обожаю, но все-таки ты очень уж крутой, разве нет? Прямо как шар в боулинге… Врываешься в мою жизнь и бац! — все переворачиваешь кверху дном. Мне осточертела моя комната, я собачусь с консьержкой, ругаюсь с соседями, теряю работу, лишаюсь любовника… Хотя, по правде говоря, есть у меня и другой, но это дохлый номер, он не очень-то стремится…

Луис лаял вслед вагонам, чтоб уходили поскорей, и озадаченно смотрел, как они ему подчиняются.

— Да, ты крутой парень, дружок… С другой стороны, не будь тебя, я сейчас мчалась бы на всех

парах, как законченная мазохистка — каковой я и являюсь! — трахаться с типом, который даже не достоин ноги мне целовать, так что… Знаешь, я уже несколько месяцев пыталась от него отделаться… Много, много месяцев… Но у меня как-то сил не хватало… Слишком уж хотелось быть любимой… То есть любимой — это, кончено, сильно сказано… Просто охмуренной, это вернее… Я даже номер телефона сменила, чтобы не страдать больше… Но проблема в том, что через пару часов я уже послала ему SMS с признанием, что страдаю по-прежнему… ну, в общем, ты понимаешь… Сплошное ничтожество… Ничтожество и глупость — в одном флаконе… И вот тут ты сваливаешься мне на голову, и в три минуты все кончено… Даже странно как-то, ей-богу… То же самое и с галереей… Я боялась признаться себе, что только теряю время, сидя там вместе с этими людишками… Просто-напросто губила себя… Так что же мне теперь делать — проклинать тебя или благодарить? Кстати, пока я с тобой говорила, мне стало ясно еще одно: нужно приучить тебя справлять нужду «в специально отведенных для этого местах», как сказано в правилах… О господи! Вот наказанье-то! Ну за что мне все это?!

Ее мобильник снова завибрировал. Остатки

инстинкта выживания подсказывали ей: не отвечай! Справься для начала с тем, что ждет тебя посреди тротуара!

Нет, это не было умоляющее послание от ее экс-экс-экс-экс-экс, имеющее целью вернуть ее, в который уже раз; это была эсэмэска от Венсана: «Ева приехала. Уезжаем на край света. Спасибо, девчонки». Не успела она ее прочесть, как пришла эсэмэска от Лолы: «Читала сообщение Венсана?»; тем временем Симон, в свою очередь, записывал ту же великую новость на ее автоответчик.

Счастье! Свет! Слава! Gloria Alleluia! Солнечный луч, пронзивший тучи, небесное сияние, улыбка Бога, подмигивание ангелов.

Озарение.

Мать твою, да встрепенись же ты, рохля! Действуй! У тебя есть две руки, две ноги, храброе сердце, любящие родные и вот этот четвероногий клоун, который служит тебе как верный рыцарь. Так чего же ты ждешь, в конце концов?

Она завязала покрепче шнурки, подтянула носки и укоротила ремень сумки, чтобы та держалась за спиной.

— Давай пошли, красавец, пора мотать отсюда… У нас с тобой еще полно дел… Эй, ты, кретин, да подожди же, куда тебя понесло!

Вот так! И где они? А их уже и след простыл.

#

Никогда еще Гаранс не приходилось мчаться вверх по бульвару Батиньоль с такой скоростью. Она до того запыхалась, что ей пришлось дважды набирать код на входной двери своего дома. Зато Луис Мариано был в замечательной форме и уже приготовился оказать консьержке должные почести. Сама дама куда-то отлучилась, покинув свой наблюдательный пост, но ее мини-надзирательница бдительно охраняла телевизор и коврики своей хозяйки. Любовь оказалась слаще почестей, так что в плане вокала спектакль получился грандиозный. Потом пес разлегся рядом с кроватью Гаранс, восстанавливая силы, пока она упаковывала то, что составляло всю ее жизнь. И если предыдущую ночь она терзалась своей несостоятельностью, то теперь та ее радовала. Такое существование легче распихать по картонкам и мешкам для мусора и выносить не тяжело.

Потом они вышли, чтобы купить губку и жавелевую воду у мсье Рашида, а заодно погасить долг.

— Чито такой? Почему ти мине платить сичас?

Ти хорошо знать, чито доверие — она зидесь! — возмущенно объявил он, тыча кулаком себе в грудь.

— Да, но я уезжаю…

— А, вот чито! Ти иметь твой отпуск?

— Да.

— Ти куда ехать? На Средиземний море?

— Нет, я еду в деревню, чтобы выйти замуж.

— Ти шутить над меня, это не есть хорошо, нет…

— И совсем я не шучу. Скоро пришлю тебе фотку моего жениха, вот посмотришь.

— Ти когда приехать назад?

— …

— Ти никогда не приехать назад?

Мсье Рашид уж и не знал, плакать ему или смеяться. Он был счастлив, видя ее счастливой, и грустил, видя ее грустной. Угостил ее миндалем. Потом, буркнув что-то, отвернулся и стал перебирать свои апельсины. Она уже стояла перед булочной, когда он окликнул ее:

— Погоди, моя газель!

Она обернулась.

— Да хранит тебя Аллах!..

Гаранс улыбнулась ему. Она прекрасно знала, что его арабский акцент был чистой липой, чтобы

пускать пыль в глаза почтенным буржуа, еще не забывшим времена колониального величия. Вместе со своим товаром он клал на весы немножко южного солнца, все ароматы восточного базара и щепотку алжирской угодливости, — так получалось весомее.

И Гаранс в ответ тоже прижала руку к сердцу.

(Позже она частенько будет вспоминать этот уик-энд с Симоном, Венсаном и Лолой и думать о том, как он отразился на ее дальнейшей жизни.

О том, как их встреча, их бегство, их признания и неудержимый смех — все эти вроде бы мелкие свидетельства их родства — воскресили ее, подарили новую жизненную силу. Не говоря уж об этом псе, который так чудодейственно повлиял на нее, бледную немочь, страдавшую в темной каморке: вернул ей четкие контуры, краски и контрасты мира, заставил ее наконец определиться. Да, она часто будет мысленно возвращаться ко всему этому, но если уж совсем честно, то главным, что она вынесла для себя на этом крутом вираже своей жизни, что тронуло ее до глубины души и что она будет вспоминать всякий раз, как ей понадобятся силы для дальнейшего пути, стали именно эти слова: «Да хранит тебя Аллах!» — таинственные, как проблеск золо-

та под плащом контрабандиста, произнесенные с тем единственным *непритворным* акцентом, который отличает всех скитальцев, всех чужаков в этом мире, где люди говорят на языке силы и бессовестного обмана. Этот урок стоил кулечка с миндалем. К орешкам она так и не притронулась.)

Ну а затем дело пошло быстрее. Небесный стрелочник славно потрудился, и вот уже наш маленький паровозик, избрав верное направление, бодро бежит вперед.

#

В тот вечер Гаранс и Луис Мариано совершили свою последнюю долгую прогулку в этом городе. Надо же было попрощаться с несколькими друзьями, несколькими барами и несколькими излюбленными фонарными столбами. И еще с кое-какими местами, там и сям, на том и другом берегу реки, где еще не выветрились аппетитные запахи еды и «травки».

В какой-то момент она поставила свой бокал, попросила у кого-то мобильник и сделала пару-тройку важных звонков.

— Ты опять что-то затеяла? — обеспокоился один из ее приятелей по бару, более наблюдательный, чем остальные, когда она вернулась в шумный зал. — У тебя глазки блестят, как у мыши, почуявшей сыр… Ну, давай колись! Какого дурака ты решила сегодня обчистить?

— Никакого. Лучше скажи: ты вроде бы искал себе жилье?

— Ладно, кончай придуриваться, красотка! Стоит только посмотреть на твою ухмылку, и все ясно — у тебя рыльце в пушку… Если дело не в

картах, значит, в самом крупье. Втрескалась в него, что ли?

Она сощурилась и спрятала лицо за бокалом.

— Ох, бедолага… — тихо простонал он и повторил громче: — Бедный, бедный счастливчик!

Они вернулись слишком измотанные, чтобы устроить еще один концерт перед дверью консьержки, рухнули среди собранных коробок и ароматов жавелевой воды, захрапели хором, встали на заре, выпили свой последний в этом квартале кофе с молоком (от надежного производителя), отправились в пункт аренды машин, сильно струхнули, когда дама в красном костюме сунула кредитную карту Гаранс в платежное устройство, облегченно вздохнули, когда она вернула им карту вместе с ключами от грузового фургончика средних размеров, припарковались перед окнами своей халупы, загрузили в фургон личные пожитки, получили последнюю порцию яда от церберши, отнеслись к ней свысока, на прощание оросили ее коврик и уехали.

#

Вторично Гаранс припарковала машину в узком тупичке предместья, куда она втиснулась задним ходом. Она подошла к домику, с виду заброшенному, нажала на звонок, подождала, поздоровалась с очень старым господином, вышедшим им навстречу, заметила, что у него слишком дрожит рука, чтобы попасть в замочную скважину, перелезла через заборчик, обняла его, чуть не задохнулась от кислого запаха его одеколона с нотками мочи, взяла у него связку ключей, широко распахнула обе створки облупленных решетчатых ворот и провела полдня за погрузкой других картонных коробок в кузов своего фургончика. Впрочем, не только коробок, а еще и мешков, и пакетов, и старых чемоданов, и даже огромного кофра, такого тяжелого, что она чуть спину себе не свернула. Затем они прошли в гостиную. Ну то есть в комнату, которая прежде, вероятно, была гостиной…

Все ее пространство, от пола до потолка, заполняли вещи, неописуемое нагромождение вещей; казалось, только густой слой не то пыли,

не то грязи позволяет этой куче старья держать равновесие. Гаранс смотрела на нее как зачарованная. Хранителя свалки звали Луи-Эсташ Валлотен. Но вся эта груда барахла принадлежала не ему, а его брату Андре, который провел свои лучшие годы в недрах лавок древностей, развалов, блошиных рынков, а оставшееся, весьма малое время — на ярмарках и у старьевщиков. Он не коллекционировал что-то определенное — ему просто нравилось, по его словам, «спасать мертвые вещи». Был он слегка тронутый, каждой приобретенной вещи давал имя и по вечерам рассказывал ее историю своему брату-близнецу, такому же холостяку, как он сам. Гаранс познакомилась с ним несколько лет назад, ранним утром, когда она возвращалась домой отсыпаться, а он рылся в мусорном баке на улице Дамремон. Сперва она приняла его за обыкновенного бомжа, но потом заметила, что он спас от гибели пачку старых снимков. Она разговорилась с ним, пригласила выпить кофе, и он рассказал ей тоже, в чем смысл его ремесла, какие узы и какие судьбы соединяют все эти забытые силуэты. Так они стали друзьями.

Она часто навещала стариков в их домишке в предместье Вирофле. Приносила им коньяк, заса-

харенные каштаны, и постепенно до нее дошло, что ее «тронутый мусорщик» собрал потрясающую коллекцию фотографий, что, прикидываясь простаком, на самом деле он обладает тонким вкусом и широчайшей эрудицией. И что драный плащ, дырявые башмаки и идиотское косноязычие служат ему, как и акцент мсье Рашиду, всего лишь уловкой, дабы спокойно искать свои сокровища, охмурять торговцев и пить кофе за счет юных любопытных девиц. И что содержимое всех этих ветхих коробок и ящиков — не просто куча старых изображений прошлого, но бесценная добыча, чаша Грааля целой жизни, посвященной искусству. Когда он понял, с кем имеет дело, он перестал разглагольствовать о золотых годах прошлого и начал учить ее «видеть». Самые великие фотографы, утверждал он, остаются безвестными, даже если среди авторов этих композиций (она и сама была в этом уверена и стойко защищала свои убеждения) попадаются не только любители… Их дискуссии в те времена были такими бурными и продолжительными, что Гаранс в конце концов забывала о тошнотворном запахе его засаленной холостяцкой одежды.

Его самого уже не было на свете, и Луи-Эсташ, решивший избавиться от свалки, которая удер-

живала его в доме, где ему больше не хотелось жить, передавал ей бразды правления: пускай теперь сама этим занимается. Пускай «спасает от смерти» это барахло, все, что здесь есть. Раз уж она убеждена, что нашла клад, значит, ей его и выкапывать…

Они уже обсудили некоторые пункты логистики и договорились насчет «бабок», как это называлось у Груцких, и теперь пили чай из белых фарфоровых чашек, которые были… гм… не такими уж белыми.

— Какая у вас красивая собачка, — польстил ей старик.

Ну до чего же приятна старомодная учтивость этих галантных холостяков былых времен!.. Луис Мариано мог похвастаться многими достоинствами, но сказать, что он красив…

— Это какая порода, позвольте узнать?

— Принц Мадридский.

— Ага… Чудесно… Совсем как собачки королевы Беатрикс, не правда ли?

— Э-э-э… ну да…

Желая отблагодарить старика за его любезность, она приказала своему беспородному принцу «служить». Луи-Эсташ пришел в восторг:

— О, малютка моя, Гаранс… Как же вам повез-

ло… Согласитесь, он просто уморительный!..

В самую точку. Такой уморительный, что уморит тебя в два счета.

— Да-да, только, пожалуйста, не давайте ему слишком много сахара, — заволновалась она, — собаки от него слепнут.

Нет, ну надо же! Вы только послушайте, как наша мамочка печется о своем пусике!.. Она очаровательна, разве нет?

Пф-ф-ф!.. Молчите вы, банда ревнивцев!

Еще раз ей пришлось струхнуть перед пропускным пунктом при въезде на платную дорогу, когда выяснилось, что он сожрал ее талон и готов сожрать кассира вместе с его будкой, но после этого инцидента все пошло как по маслу. Солнышко сияло, она свернула с автотрассы и выключила радио. Луис Мариано гордо красовался в окошке, пуская слюни по ветру, ловя разинутой пастью тени платанов и громко оповещая о своем приближении потрясенных пейзан.

Она еще издали узнала колокольню, коров, булочную и автобусную остановку напротив. Странное ощущение… Столько всего случилось за это время — как будто целый век прошел, а их призраки — вот они перед ней, все четверо, совсем еще свеженькие, радостно машут ей на-

встречу.

Она нашла ключ и записку от Венсана под теплым от солнца камнем, отперла часовню и стала выгружать то, чем ей предстояло заниматься здесь, пока… пока что? — она и сама не знала… пока не вернется хозяйка замка?.. пока она не умрет от голода?.. пока ее работа по составлению и оцифровки архива не будет закончена?.. или пока ей не осточертеет деревня?., или пока она не выйдет замуж за лесника и не народит ему троих детишек?., или пока Луис Мариано не упокоится под старым кедром?.. или… Ну, ладно, там увидим. Сейчас она была полна уверенности в себе. Непривычное ощущение. В конце концов, жизнь — не такая уж мерзкая штука.

Ей было жарко, хотелось есть, хотелось пить. Картонные коробки еще были не разобраны, но она уже начала изучать их содержимое. Стоя на коленях перед алтарем, она сосредоточенно рылась в них, усталая, счастливая, и благодарила сама не зная кого. Витражи играли разноцветной мозаикой на ее плечах и руках, Луис Мариано лежал возле пианино и терзал хвост ящерицы, не пожелавшей играть с незваным гостем. Вдруг она заметила, что пес насторожился, и сразу поняла, кто к ним пожаловал. Но притворилась, будто

ничего не видит, и еще с минуту продолжала копаться в коробке, потом наконец подняла голову и, обращаясь к дарохранительнице, бросила:

— Эй, Ноно… Когда тебе надоест глазеть на мою задницу, тебя не затруднит принести нам пару банок пива, а?

~~~

Первая книга Анны Гавальда — «Мне бы хотелось, чтоб меня кто-нибудь где-нибудь ждал…» — имела ошеломительный успех и была переведена более чем на 20 языков. Но настоящий бум начался с публикации романа «Просто вместе».

«Глоток свободы» — роман о том, что бывает, когда забываешь об условностях, пытаясь быть собой.

В новой редакции — новые главы.

Боже, до чего красивый рассказ, сплошное удовольствие и безобразие, как это умеет делать Гавальда, когда пишет что ей вздумается, по интуиции и вдохновению.

Lire
~~~

Непревзойденная по живости письма и звучной яркости диалогов, Анна Гавальда своим пером касается вовсе не пустяков. В искрящуюся свежесть жизни, как апельсиновую цедру, она добавляет толику горечи; рисует радости и их изнанку, мечты и то, что не сбылось. Гавальда еще никогда не писала настолько «по-гавальдински».

Le Parisien